

Журнал «Большая Библиотека» для всех, кто любит открывать неожиданные сюжеты в биографиях своих знакомых, друзей, товарищей.

Для всех, кто любит провести свое драгоценное свободное время с информацией, которая дорогого стоит.

**Виктор Лимушин, автор,
Уральский государственный
университет им. А. М. Горького**

«ББ» – безусловно, актуальный журнал. Учитывая тот вал книг, перед которым поставлен читатель...

Возможно, «ББ» – это не только «Большая библиотека», но и «Будущее Белинки», для чего журналу нужно стать центром притяжения литературоведческих кругов и всех тех, кто «в теме».

**Сергей Новопашин,
автор и редактор издательства «Баско»**

Один мудрый человек сказал: «Читайте книги — некоторые из них специально для этого написаны». А другой добавил: «Хорошая библиотека – величайшее сокровище». Готова подписаться под каждым словом.

**Надежда Сулимова, автор,
Библиотека им. В. Г. Белинского**

Журнал «Большая библиотека» должен стать и, безусловно, будет другом и советчиком для читателей и нечитателей, профессионалов и дилетантов. Он обречён на устойчивое и успешное развитие.

**Ирина Короткова, член редколлегии,
пресс-секретарь издательства «Баско»**

БИБЛИОТЕЧНЫЙ ДИВЕРТИСМЕНТ

Вся жизнь – театр, и все мы в ней актеры.

*У каждого свой выход и уход, и каждый не одну играет роль,
а в пьесе той семь актов...*

Ситуация с чтением в стране оценивается специалистами как системный кризис.

«Дело чести» для нас, библиотекарей, – закрепить интерес к книге и библиотеке у тех, кого еще можно «спасти», расширить круг «посвященных».

Болезнь «нечтения» – тяжелая, запущенная, трудноизлечимая. Нам показалось, что в интересах дела следует вернуться к старому, испытанному в школах и библиотеках, но почти забытому опыту театров книги.

По инициативе методического отдела Белинки весной 2007 года в муниципальных библиотеках Свердловской области прошел первый фестиваль библиотечных театров книги. В нем приняли участие более 200 библиотечных специалистов из 20 территорий области – от Тавды до Полевского, от Серова до Асбеста. Накопились впечатления, появилась пища для размышлений.

Виктор Павлович Лимушин, доцент кафедры гуманитарного образования СУНЦ УрГУ, председатель КРК СО СД России (второй срок), автор 47 научных и учебно-методических работ, в том числе, монографического учебного пособия «Театр как драматургия власти».

В школьные годы играл Глашатая и Второго лесничего в «Звездном мальчике» О. Уайльда, трижды был лауреатом областного конкурса чтецов-школьников.

В 1991 году был приглашен в Екатеринбургский театральный институт для чтения курсов «Менеджмент театра», «Организация и планирование новых постановок», «Психология управления».

ОПРЕДЕЛИТЬСЯ С ТЕРМИНАМИ и поразмышлять на заданную тему решились Виктор Павлович Лимушин и Надежда Сергеевна Сулимова.

Н. С. Сулимова: Что такое театр книги? «Театр книги — это творческое прочтение произведения, прожитого через актёрское мастерство читателя, это способ самовыражения. Перевод литературного текста на особый сценический язык делается для того, чтобы из зрительного зала человек пришёл в зал читальный. Для спектакля достаточно протянуть руку к полке, взять книгу и из неё сделать представление: оживить текст через игру, движение, музыку. Обычно театрализация книги не является полным повторением оригинала. Обязательно остаётся какая-то недосказанность. Она и подталкивает зрителей к прочтению книги» (<http://readover.freenet.uz/theatre.html>).

ТЕАТР КНИГИ, БИБЛИОТЕЧНЫЙ ТЕАТР – ВЫДУМКА
СКУЧАЮЩИХ БИБЛИОТЕКАРЕЙ ИЛИ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ
НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОДВИНУТЫХ ПРОФЕССИОНАЛОВ?

В. П. Лимушин: Все разнообразие социальных поступков человека разворачивается в пространстве, границами которого являются искусство и действительность. Ю. Лотман в эссе «Искусство жизни» анализирует три варианта взаимодействия социальной установки автора произведения искусства и аудитории:

искусство и внехудожественная реальность рассматриваются как области, разница между которыми столь велика и принципиально непреодолима, что само сопоставление их исключается (при всей условности такого сравнения, этот вариант соотносится с классицизмом);

сфера искусства рассматривается как область моделей и программ. Активное воздействие направлено из сферы жизни искусства в область внехудожественной реальности. Жизнь избирает себе искусство в качестве образца и спешит подражать ему (сопоставимо с романтизмом);

жизнь выступает как область моделирующей активности: она создает образцы, которым искусство подражает (сопоставимо с реализмом).

Грань между искусством и бытовым поведением зрителей была разрушена в начале XIX в.: театр вторгся в жизнь, активно перестраивая быт: в письмо, дневник и бытовую речь проникает монолог. Театрализуется эпоха в целом.

И еще: «Именно потому, что театральная жизнь отличается от бытовой, взгляд на жизнь как на спектакль давал человеку новые возможности поведения».

В менеджменте культуры есть понятие «анимация культуры», рассматриваемая как деятельность, направленная на то, чтобы провоцировать и усиливать живой интерес к культуре, художественному творчеству потенциальных ее потребителей. Этот термин означает «необходимую форму посредничества между людьми и искусством, форму работы среди людей, традиционно не относящихся к культурной публике», «связующее звено, с помощью которого устанавливается живая связь между этой категорией и культурой» (М. Симоно).

Думается, что библиотечный театр есть конкретная форма проявления «захватившей весь социум театрокрации: театр сегодня — единственное место, где нация вполне единодушна. Политика скорее разъединяет нас, нежели объединяет. Деньги делают то же самое. Но в театр идут все: богатые, бедные, интеллектуалы, простаки, старые, малые, правые, левые... И дело не в том, что им хочется посмотреть затертую даже не до корней, а до суффиксов пьесу Чехова или Гоголя или услышать какой-то новый замороженный текст автора N. Они идут за редким сегодня ощущением эмоциональной и интеллектуальной сопричастности друг другу в своей культуре». Вот почему я полностью согласен с тем, что «...нынче у нас на дворе короткая, но славная эпоха театрокрации» (Литературная газета. 2001. № 43. С. 12).

С другой стороны, всевозможные формы диалоговых отношений библиотекарей и читателей востребованы сегодня библиотеками, т. к. позволяют согласовывать интересы (в целях самоутверждения и самореализации и тех, и других); убеждать (с помощью логических аргументов, при помощи эмоционального воздействия), способствуют открытости в коммуникации, инициативности и ответственности.

Есть и еще один аспект. Все настойчивее разговоры об оценке результата труда производителей культурных благ исходя из степени удовлетворения ими потребителей. Полезность — субъективная катего-

**Надежда Сергеевна
Сулимова,**
заместитель
директора
Библиотеки
им. В. Г. Белинского.

Литературная газета.
2001. № 43. С. 12.

Долгин А. Экономика
символического обмена
[http://www.artpragmatica.
ru/book/](http://www.artpragmatica.ru/book/)

рия, условные единицы полезности выражают меру удовольствия, получаемого от потребления единицы блага (см. книгу А. Долгина).

Такая оценка нашей культурной работы должна стать нормальной практикой.

Работая на опережение, нужно уже сейчас усилить роль средств невербальной коммуникации: кинесики (жесты, мимика, пантомимика), просодики (интонация голоса, его темп, ритм), проксемики (пространственно-временная организация общения — хронотипы «вагонного попутчика», «больничной палаты»), визуального общения (контакт глазами), такесики (прикосновения), паралингвистики (качество голоса, его диапазон, тональность), экстралингвистики (включение в речь пауз, смеха, покашливаний и т. п.).

Почему? Потому, что за счет вербальных средств (слова) воспринимается 7 % передаваемой информации, за счет звуковых средств (тон голоса, интонация) — 38 %, за счет невербальных средств — 55 %.

Необходимо «здесь и сейчас» реанимировать еще и сигнификативную функцию культуры, благодаря которой ее носитель умеет распреде- чивать смыслы языка, символов, образов (сигнификативная функция культуры — это ее способность создавать целостные, осмысленные представления о мире и самостоятельные философские и поэтиче- ские миры). Наука, искусство, философия — это особым образом ор- ганизованные знаковые системы, призванные с разных сторон пред- ставить мир, сделать его понятным, осмысленным, близким человеку. Именно это отличает речь человека от коммуникации животных.

Н. С. Сулимова: Хочется интересных событий. Небанальных. «Неопоп- севших», как говорит наша молодежь. А театр — праздник! Какая яркая жизнь, какие «вкусные» слова: АНГАЖЕМЕНТ — АПОФЕОЗ — БУРАЕСК — БУФФОНАДА — ВЕРТЕП — ДИВЕРТИСМЕНТ — ИНЖЕНЮ — РЕЗОНЕР — СУБРЕТКА — ПРИМАДОННА-ЭТУАЛЬ...

А сколько пользы! Философы учат, что смысл праздника — в торже- ственном коллективном обновлении жизни. Во время праздника чело- век испытывает облегчение и радость, если, конечно, умеет радоваться, приобщается к определенной праздничной культуре. Участие в теат- ральном действе (в любом качестве — и зрителя, и актера) дает психо- логическую разрядку, а это сегодня жизненно необходимо.

В. П. Лимушин: Наконец, театрализация (в том числе, и библиотеч- ных форм работы) обозначает переход к толерантной по своей сути концепции «Я-сообщение» (вместо «Ты-сообщение»), открытию сво- их чувств.

Театр показывает, что жизнь можно «поставить», все элементы теат- рального представления могут быть комментариями к принимаемой как данность повседневной действительности и событиям в ней. Од- новременно театр интерпретирует социальную реальность через из-

бранную метафору конкретной драмы, высвечивая отношения между намерениями людей и их действиями, между действиями и контекстами этих действий, между контекстами действий и возможностями для действия, которые они предлагают.

Решающее при этом: театр — не просто любая постановка жизни, которая воздействует через перспективу определенных метафорических форм, это постановка жизни как действия. Действие — это представление сюжета в ролях, это расположение персонажей, средства, которые они применяют, и цели, которые ставят.

Таким образом, основополагающая метафора драматического представления — это обращение к жизни как к действию, в котором схватывается его идеальное типическое содержание.

В исследовании реальности постановочными (проектными, как сегодня говорят в менеджменте) средствами театр предлагает нам эмоциональную интерпретацию «как, что, когда, где и почему» социального действия. Именно в этом можно найти метафорические ресурсы, необходимые для концептуализации социального поведения и дальней-

И вот все услышали, как шумит море. Оно шумело из маленькой раковины так громко! Неужно было даже ухо прикладывать!

Сцена из спектакля
«Ракушка» по рассказу
М. Москвиной.
Театр-студия «Арлекин»
(г. Лесной)

– Скажи, ты – Чайка?
 – Чайка! – отвечает Чайка. –
 Я настоящая морская Чайка.
 А кто не верит, тот дурак!
 Сцена из спектакля «Ракушка».
 Чайка – Люба Шмырина

шего рассмотрения в этих условиях социальных коллизий любого происхождения.

Легко передвигаясь между театром и теорией, как между метафорами для обозначения действия, правильнее говорить о театральных явлениях как теоретизировании по поводу повседневной реальности, чем о теоретических явлениях как театрализации повседневной жизни.

Н. С. Сулимова: Для нас театр книги — еще и средство самовыражения читателей, и один из способов их самоидентификации и саморазвития. Читатель-актер, проигрывая на библиотечной сцене сюжеты из различных книг, примеряя «маски» (или характеры), приобретает опыт поведения в различных ситуациях, имеет возможность взглянуть на мир с точки зрения другого человека. А научиться ставить себя на место другого и видеть мир его глазами — не это ли одно из важнейших правил коммуникабельности и взаимопонимания?

В. П. Лимушин: Театр является суммой трех самостоятельных составляемых — драматического произведения, его сценического воплощения, зрителя. Искусством собственно театра является сценическое воплощение, «Его величество Спектакль».

Когда драматург не знает тайн сценического воплощения, не чувствует публики, когда актер не понимает драматурга и не слышит зал, когда зритель без специального толкования не воспринимает пьесу и не откликается на игру актера, появляется режиссер, ко-

**Лариса Ивановна
 Нежданова (г. Лесной),
 директор ЦДБ
 и незаурядная актриса**

*Татьяна Владимировна Ботина
(г. Березовский), сначала “Умный
дворник”, потом член жюри*

торый является толкователем замысла драматурга, руководителем творчества актера и посредником между ними и зрителем. Не по этой ли причине на российском пространстве появились политические имиджмейкеры?

Каждый театральный метод — это своеобразная структура воздействия сценического искусства на зрителя, компонентами которого являются психологизм, эпическая объективизация и условность (образ, символ). Целостность (отдифференцированность) той или иной театральной методики (театр психологический — Станиславский, условный — Мейерхольд, эпический — Брехт) обеспечивается соотношением и мерой подчеркивания одной из противоположностей, образующих диалектическое единство.

Главный ресурс театра в воздействии на зрителя — актер. Естественно, что теоретики театра по-разному определяли прорастание актера до обозначенных идейно-художественных задач. Исходной была дилемма «актер — творец или персонаж».

Если Станиславский выявляет сценическое действие преимущественно с позиции актера-героя, а Мейерхольд — с позиции актера-творца, то Брехт обнажает перед зрителями диалектическое противоречие актерского творчества, наглядно его демонстрирует. Он выступает против безудержной эмоциональности актерской игры, которая может настолько захватить зрителей, что они потеряют способность к рассуждениям, к сознательному постижению противоречивости явлений и характеров.

Станиславский предлагал идти «от себя» к образу, Мейерхольд — от своего отношения к образу, Брехт — «от свидетеля», который глубоко разбирается во всех обстоятельствах дела, «открывал» свое отношение ко всем его участникам в знаменитых зонгах. У него актер не сливается с образом (как у Станиславского) и не демонстрирует свою искусную игру (как у Мейерхольда).

Станиславский запрещал играть «отношение к образу», то самое отношение, которое и Брехт, и Мейерхольд (каждый по-своему) применяли как необходимое условие тенденциозных спектаклей.

*Дикобраз оглядел раковину,
встряхнул ее и засунул туда
лапу. – Моря нет, ничего нет,
ракушка пустая.
Он достал толстую тетрадь
в клеточку и стал доказывать
Тушканчику, что этого
не может быть, чтобы море,
особенно Черное, шумело
в какой-то там раковине.
Целый час доказывал и доказал.
– Да, – говорит Тушканчик,
– теперь я и сам вижу, что
этого не может быть. Все это
выдумки и глупая чепуха.
– Вот теперь ты молодец!
– сказал Дикобраз. – Где-то
у меня напильник был. Сейчас
из нее таких пуговиц наделаем!
... Ну, можно не пуговицы,
а пепельницу! А то она будет
совсем бесполезной вещью в доме.*

Сцена из спектакля
«Ракушка».
Дикобраз – Степан Роскош
Тушканчик – Вадим Ямщиков

Думается, что библиотечному театру книги ближе театральные методики Мейерхольда и Брехта.

ОПТИМАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР ДЛЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ТЕАТРА? ЛЮБОЙ ЛИ ТЕКСТ МОЖЕТ СТАТЬ ОСНОВОЙ ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЙСТВА?

Н. С. Сулимова: Фестивальная программа была и предсказуемой, и неожиданной.

Русская классика: А. П. Чехов, А. Н. Островский. «Из Островского» — «Снегурочка!» (Чем объяснить такой выбор? Тоской юных по романтизму и истинным ценностям?) Зарубежная классика: В. Гюго «Отверженные».

Советская классика: Е. Шварц «Обыкновенное чудо», Д. Хармс «Игра».

Современные авторы: Л. Петрушевская «Пуськи Бятые», В. П. Крапивин «Дети синего фламинго», М. Москвина «Ракушка».

Клод Леви-Строс говорил о культуре «горячей» и культуре «холодной» (когда все остается неизменным); о том, что культура превращается в «горячую» через стилизацию, переложение, вариации. Думается, что в соревновании библиотечных театров книги победили коллективы, сделавшие ставку на качественный текст и сумевшие его «разогреть».

В. П. Лимушин: Этот вопрос вернул меня в раннее студенчество. Нам, философам-первокурсникам, в расписание второй сессии (1-й курс) поставили «Астрономию». Мы (естественный снобизм первокурсников) решаем бойкотировать этот предмет, но посмотреть на преподавателя все-таки идем.

Уже через пять минут после начала лекции аудитория была «захвачена» таджикско-персидско-туркмено-китайской стихотворной лирикой о строении Вселенной и механизмах ее анализа и измерения. И так все 18 часов курса! Каким нужно быть виртуозом, чтобы свой предмет представлять средствами исторического и логического, абстрактного и конкретного, индукции и дедукции — поэтическим языком!

Именно эта встреча убедила меня в том, что главное — не текст, а умение его подать, театрализуя смыслы с учетом конкретной целевой аудитории.

Но надо помнить, что путь профессионала таков: от текста — через подтекст и контекст — к сверхтексту.

**В СОСТОЯНИИ ЛИ БИБЛИОТЕКАРЬ СПРАВИТЬСЯ
СО СПЕЦИФИЧЕСКИМИ ЗАДАЧАМИ ТЕАТРА КНИГИ?
ОБЯЗАТЕЛЬНО ЛИ УЧАСТИЕ ПРОФЕССИОНАЛОВ «ОТ ТЕАТРА»?**

В. П. Лимушин: В пространстве библиотеки, как и театра, идет уникальный трудовой процесс, характерными чертами которого являются творчество с его особыми «вечными» вопросами и законами, коллективность, преимущественно «живой» («здесь и сейчас!») характер труда.

Библиотекарь сможет стать и режиссером, и сценографом, и театральным художником только тогда, когда в библиотечном коллективе есть единство мыслей и действия, сплоченность и слаженность, взаимодополняемость и взаимопомощь, т. е. если перед нами ансамбль библиотекарей-профессионалов! При этом не следует забывать следующее умозаключение Гегеля: «Индивидуальность интерпретатора выступает на первый план, и вовсе не по причине его самонадеянного “самовластья”: он несет в себе вместе с собственной психологической индивидуальностью еще и новые знания, новые вкусы, новые художественные устремления — а без их выражения нет полноценной сегодняшней интерпретации».

Н. С. Сулимова: Практика показывает, что на одном энтузиазме построить библиотечный ТЕАТР трудно; нужны специальные знания, которых, как правило, нет. Выход — во взаимодействии библиотеки и профессионального театра (если складывается), библиотеки и самодеятельного театра.

Результаты такого сотрудничества мы видели во время фестиваля, и они впечатляют. Назову коллективы, которые произвели самое сильное впечатление на меня:

Театральная студия «Мы» при поддержке библиотеки-филиала № 1, ученики школы № 8 и режиссер-постановщик Марина Викторовна Зайцева (Ирбит); Клуб любителей театра и книги «Жемчужина» при детской библиотеке, руководители А. Г. Буньков и Н. Г. Ончулова (Ирбит), Центральная городская библиотека им. П. П. Бажова, Театр-студия «Арлекин» и режиссер И. А. Власова (Лесной), Центральная городская библиотека для детей и юношества и режиссер Р. Б. Рогожин (Новоуральск).

ПОМОЖЕТ ЛИ ТЕАТР КНИГИ РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ ЧТЕНИЯ?

В. П. Лимушин: Представляется, что театр книги сегодня должен быть сориентирован на «кричащую» проблему, связанную с языком как знаковой системой, выполняющей познавательную и коммуникативную

*Театр-студия «Арлекин».
Режиссер Ирина Альбертовна
Власова (г. Лесной)*

(общение) функции в процессе человеческой деятельности. Это проблема достижения семантического единства — единообразного толкования и понимания всеми участниками совместной деятельности ключевой рабочей терминологии и связанного с этим спокойного и последовательного преодоления семантических разногласий.

Роль библиотеки здесь трудно переоценить, так как не во всех семьях имеются условия для изучения (чтения) предметных словарей и другой аналогичной литературы, общения с учеными — носителями значимых концептуальных идей в разных отраслях знаний.

Театр книги позволяет требуемое содержание привнести в сознание публики языком благородным, то есть языком культуры.

Н. С. Сулимова: Для нас фестиваль библиотечных театров книги был импровизацией. Оказалось, что это интересно и читателям, и библиотекарям.

Думаю, что КНИГА, «прожитая» на библиотечной сцене, запомнится библиотечным артистам навсегда. От нас, библиотекарей, зависит, чтобы это была стоящая книга.

P. S.

Когда материал был уже подготовлен, мы получили достаточно неожиданное подтверждение того, что идем правильной дорогой («в тренде», как сейчас модно говорить).

Журнал «Большой город» (2007. № 7) опубликовал профессиональный (Э. Бояков, режиссер, создатель театрального фестиваля «Золотая маска», А. Чернов, известный PR-менеджер) разбор эффектной и эффективной российской презентации олимпийской заявки «Сочи–2014».

Несколько цитат: «Пьеса была по всем законам театра сконструирована... Прилет Путина — это абсолютный театр... Мелочи, “вкусности” продуманы и обкатаны несколько раз... Он репетировал свою речь... Какой-то режиссер Икс работает с Путиным, говорит, что такое мизансцена, что такое жест... Поддача, энергетика... Актер должен присвоить себе материал, тогда будет убедительным... Работает агрессивная поддача и сентиментальность...

Вся презентация агрессивная, тяжелая, выстроенная по всем законам. Профессионально сработано... Шоу сделало результат... Вся эта история стала многоактной пьесой...»

АННА МАТВЕЕВА. ЛЮБИТЬ ПО-ЧЕСТНОМУ

Известность Анны Матвеевой негромкая, но, что называется, хорошего качества. Дважды она претендовала на общероссийские премии: в 2000 году вышла в финал премии имени Ивана Петровича Белкина за лучшую повесть (с «Перевалом Дятлова»), а в 2007-м побывала в long list'e «Большой Книги» со своей новой книгой «Найти Татьяну». Ее рассказ «Остров Святой Елены» удостоен международной премии «Lo Stellato», которая присуждается в Италии за лучший иностранный рассказ года. Она печатается в крупнейших издательствах, и столичные журналы тоже не обходят ее вниманием. И главное – у нее уже есть свой круг читателей, которые ее по-настоящему любят. Ее легкую, остроумную и по видимости вполне «женскую» прозу не назвать банально доброй, тем более (модное сейчас слово) позитивной. Хотя в ней случаются хорошие концы, торжествует справедливость и, как минимум, всегда остается надежда на лучшее. О таких книгах говорят – «светлые», и с этим спорить не хочется. Но это не ровный теплый свет. Проза Матвеевой со временем становится гуще и прохладнее, а среди ее героев появляются люди, изначально обиженные судьбой, и дети, вступающие перед совсем не детскими проблемами. При этом автор испытывает и вызывает к своим персонажам не пресную жалость, но уважение и острый интерес. К ним относишься всерьез, без скидок. Может быть, это и есть милосердие?

АННА, ПОМНИТЕ ЛИ ВЫ СВОЮ САМУЮ
ПЕРВУЮ ПУБЛИКАЦИЮ?

Смотря что считать первой публикацией. Вначале у меня вышла книга «Заблудившийся жокей», а уж потом в альманахе «Литературный Екатеринбург» напечатали рассказ «Оперативное вмешательство» и почти одновременно с этим, в журнале «Урал» — рассказ «Супертаня». Честно говоря, я об этом не особенно часто вспоминаю. Давно было.

Моя девушка написала книгу. Но я по-прежнему ее люблю.

(«Книга для моей девушки»)

ВЫ ДОСТАТОЧНО РЕГУЛЯРНО ПЕЧАТАЕТЕСЬ
В ТОЛСТЫХ ЖУРНАЛАХ. ДЛЯ ВАС ЭТО ВАЖНО?

Раньше было очень важно, сейчас — практически никакого значения не имеет. Но я была и остаюсь преданным автором «Урала», иногда пишу для «Звезды».

Анна Александровна Матвеева

ПОЧЕМУ ВЫ ВЫБРАЛИ ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ? НИКОГДА О СВОЕМ ВЫБОРЕ НЕ ЖАЛЕЛИ?

Я стараюсь не жалеть ни о чем. Значит, так надо было. На журфаке УрГУ, конечно, образование не такое фундаментальное, как этажом ниже, но зато учиться было легко, я даже пропустила один курс, досдав «разницу». А филфак был для меня под необсуждаемым запретом — я не хотела «особого» положения, в которое неизбежно попадают дети преподавателей. Тем более, таких замечательных преподавателей, как мои родители-филологи.

Намного больше опыта я получила не в университете, а во время редакционной практики — до сих пор с благодарностью вспоминаю людей, которые терпеливо правили мои неумелые заметки и привили мне то самое чувство гиперответственности, которое много раз выручало и в работе, и в жизни.

Что же касается фундаментального образования, то, смею надеяться, я наверстала упущенное по окончании вуза — даже учила латынь, хотя никто не заставлял.

НЕОБХОДИМ ЛИ ПИСАТЕЛЮ ЖУРНАЛИСТСКИЙ ОПЫТ?

Я вам не скажу за всех писателей, но мне журналистский опыт скорее мешает, нежели помогает. Это вообще совершенно другое ремесло, не имеющее ничего общего с писательским.

Первый роман Ильи был, как Татьяна потом поняла, самым лучшим из всех — потому что он писал его без оглядки на мнение редакторов, без приседаний в сторону критиков, без страха, что роман не опубликуют, и без упрека, что читатель пошел теперь совершенно не тот, что прежде. Короче говоря, все то, что убивает желание сочинять, Илье тогда было неведомо.

(«Найти Татьяну»)

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ СКАЗАТЬ, ЧТО ВСЕГДА ПИШЕТЕ О СЕБЕ?

ИЛИ ТАК: ПРОПУСКАЕТЕ ЛИ ВЫ ЧЕРЕЗ СЕБЯ ВСЁ, О ЧЕМ ПИШЕТЕ?

Так ведь все пишут о себе и «пропускают через себя» написанное. Хотя лично я, честно говоря, многое придумываю, сочиняю и домысливаю.

Вина могут быть глубокими, как голоса, и тонкими, как наблюдения. Они могут пахнуть яблоками, грибами, травами, медом — или чернилами, кожей, слезами, мхом. Все зависит от того, как относиться к вину, — ну и немного от того, как это вино делали. Итальянские вина не так капризны, как швейцарские, и не так прямолинейны, как немецкие. В них нет французского желания любой ценой выйти вперед и увесить шею монистом медалей. Я думаю, что итальянские вина скромны, куда скромнее самих итальянцев — людей, которые их делают и пьют.

(«Итальянское вино»)

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ДЛЯ ВАС ПРОБЛЕМА ПОИСКА СЮЖЕТОВ?
ИЛИ ОНИ, КАК ИНОГДА ГОВОРЯТ, НАХОДЯТ ВАС САМИ?

Сюжетов вокруг — миллион, только успевай подбирать. Никогда не страдала от их отсутствия.

Голев протянул руку и погладил Инеи по мраморно-холодным волосам. И вдруг наткнулся на что-то инородное, напугавшее его так сильно, что он отдернул руку. Потом присмотрелся — действительно, между короной Инеи и маленьким скорбным ангелом лежал небольшой бумажный сверток, даже не сверток — конверт.

Он взял его не сразу, чертовщиной какой-то все это пахивало... Хотя — храм ведь... Старинный, намоленный. Голев глянул испуганно на ближайшую икону, и ему показалось, что святой Бернارد (а это был он) подмигнул ему совсем неподобающим образом. Голев вытащил конверт, он был присыпан пылью, пыль немедленно поднялась, припорошив и Голева, и Кастро.

Письмо, подумал Голев, открывая конверт, но там лежало нечто иное. Деньги. Если точнее — американские доллары. Голев пересчитал их — десять мятых сотенных бумажек. Тысяча баксов.

(«Голев и Кастро»)

ОБЗАВЕЛИСЬ ЛИ ВЫ КАКИМИ-НИБУДЬ ПИСАТЕЛЬСКИМИ
ПРИВЫЧКАМИ И РИТУАЛАМИ (ВРЕМЯ, МЕСТО)? ПИШЕТЕ ЛИ ВЫ
ОТ РУКИ ХОТЯ БЫ ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЛИ УЖЕ НИКОГДА?

В последнее время я пишу практически украдкой, ворую время у повседневных забот и дел. Тут уж не до ритуалов. И, конечно, никаких «от руки» — я уже забыла, какой у меня почерк. Хотя кое-какие заметки — особенно в разъездах — делаю, и тогда вспоминаю. Это я про почерк.

Ночью Настя спит и во сне видит сюжеты, истории, сказки. Утром просыпается и думает:

будто сапогом вытнули его из грез.

Ну да, не очень удачно. Зато постоянно что-нибудь новое.

Вот так и живет Настя Некрасова. Смотрит на дерево и думает: бывшее семечко, будущий дом.

Разговаривает с подругой по телефону и запоминает разные истории. Подруга — преподаватель. Девушка-преподаватель, если уж быть логичной. Настя говорит: преподаватель, чтобы слегка осадить зазнавшуюся подругу.

Подруга рассказывает байки, Настя записывает в блокнот.

(«Писатель»)

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ТРЕЗВО ОЦЕНИВАТЬ СВОИ КНИГИ,
СЧИТАЯ КАКИЕ-ТО БОЛЕЕ, А КАКИЕ-ТО МЕНЕЕ УДАЧНЫМИ?

Я вообще не пью, поэтому все оцениваю трезво. Шутка. На самом деле, я никогда не перечитываю своих книг и не люблю вспоминать о том, что уже написано. Вам любой писатель скажет, что ему интересна только та книга, которую он пишет в настоящий момент. Из всех своих работ наименее удачной я считаю «Небеса», этот роман вымотал меня физически и душевно и все равно не получился таким, как мне хотелось.

СТАЛКИВАЛИСЬ ЛИ ВЫ С ТЕМ, ЧТО ВАС СЧИТАЮТ «ДЕВУШКОЙ,
НАПИСАВШЕЙ “ПЕРЕВАЛ ДЯТЛОВА”»? И САМИ ВЫ СЧИТАЕТЕ ЛИ
ЕГО СВОЕЙ «БОЛЬШОЙ КНИГОЙ» (НА СЕГОДНЯ)?

Существует категория людей, которая искренне помешана на дятловской теме, — вот они так и считают. Я же не отношусь ни к одной своей книге, как к «большой», и вообще, я не отношусь серьезно ни к одной своей книге.

С каждым днем появляется все больше и больше экспертов по дятловскому делу. Они важно надуют щеки, пыжаты и неторопливо рассуждают о том, как именно все было и отчего они погибли... Мне же — напротив — с каждым днем все меньше и меньше хотелось об этом говорить, потому что ничего не поменялось. По сей день ничего не известно.

Правда, попутно нам удалось немножко подправить памятник дятловцам на Михайловском кладбище, и еще кое-какие мелочи сделали...

Поэтому я так обрадовалась, когда встретила тебя. Знаешь, меня нисколько не пугают все эти мистические штуки, но даже если ты их и выдумала для красного словца — все равно попробуй написать, может, будет толк...

(«Перевал Дятлова»)

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, МЕНЯЕТЕСЬ ЛИ ВЫ КАК ПИСАТЕЛЬ?
ВАШ ВЗГЛЯД НА МИР МЕНЯЕТСЯ?

Если человек (неважно, писатель или нет) не меняется, значит, он уже умер. А вот взгляды на мир лучше не трогать — какими были, пусть такими и остаются. Тем паче мир от наших взглядов не зависит.

Ты катастрофически не прав. Ничего не стоит дороже, чем право прожить собственную жизнь. Даже если в окончании ее — те самые красные знамена и ругачки в трамваях. Ну и что? А вдруг среди них был почти готовый гений? Или просто хороший человек, что, на мой вкус, лучше любого гения... И вообще: они могли родить детей и сейчас нянчили бы внуков, собирались бы по праздникам вместе и пели под гитару. Почему нет?

(«Перевал Дятлова»)

ВАША ПРОЗА ОЧЕНЬ КИНЕМАТОГРАФИЧНА.
ЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОБ ЭКРАНИЗАЦИИ?

Права на экранизацию «Перевала Дятлова» куплены, дальнейшего развития этого сюжета я не знаю. Не очень интересуюсь, честно говоря. Кино же я очень люблю — и классику, и современные голливудские поделки, и европейские фильмы.

СЕЙЧАС МНОГО ГОВОРЯТ О «ПРОБЛЕМЕ НЕЧТЕНИЯ»?
ЧТО ДУМАЕТЕ ОБ ЭТОМ ВЫ? ЕСТЬ ЛИ ТАКАЯ ПРОБЛЕМА?

Я думаю, что сейчас люди читают намного больше, чем раньше, хотя бы по той причине, что книги доступны всем и каждому. Если не по карману походы в книжный — можно записаться в библиотеку.

У Татьяны была всего лишь одна вредная привычка — чтение. Библиофилия в запущенной форме, на такой стадии болезнь, как правило, уже не лечится. Татьяна читала сразу несколько книг, раскиданных повсюду — одна в кухне, одна в ванной, одна в сумке, одна в гримерке, одна на коврике рядом с кроватью. Мать уже не ругалась, а молча убирала книжки, когда они мешали ей в кухне, в ванной или на коврике рядом с кроватью. Что поделать, Татьяна жила только на сцене, а все остальное время ей приходилось оживлять себя с помощью книг. Болезненная инъекция Достоевского. Долгая питательная капельница с Томасом Манном (особенно хорошо помогал «Доктор Фаустус»), Успокоительный сбор из Мюриел Спарк, Амоса Тугуолы и Петера Хандке. Чехов — в мелкой таблетированной форме.

(«Найти Татьяну»)

ВЫ ТАК ЖЕ МНОГО ЧИТАЕТЕ, КАК РАНЬШЕ?
БОЛЬШЕ ЧИТАЕТЕ ИЛИ ПЕРЕЧИТЫВАЕТЕ?

Для меня чтение — это отдых и любимейшее занятие. Я читаю много, и хотела бы читать еще больше. Перечитываю только любимых авторов, и то редко.

СУМЕЛИ ЛИ ВЫ ПОЛЮБИТЬ КАКИХ-НИБУДЬ НОВЫХ АВТОРОВ
ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ?

Я не авторов люблю, а их произведения — большая, между прочим, разница! В последнее время с удовольствием читаю книги Умберто Эко, Маргарет Этвуд, Сью Таунсенд, детективы Элизабет Джордж, а также все толстые журналы и кучу глянцевого мурлы. Из наших нравится, что делает Людмила Улицкая. Что бы там и кто не говорил, она настоящий мастер, и, по-моему, очень хороший человек (а для писателя это очень важно).

Александр Дюма «Три мушкетера». *Первая «взрослая» книга, которую прочитала. Лет в пять, кажется. Надолго заболела семнадцатым веком и Францией, навсегда — литературой. Любимым героем в детстве был Атос. Сейчас, разумеется, Арамис.*

Гюстав Флобер «Госпожа Бовари». *Перечитываю каждые несколько лет. Шедевр и просто любимая книга.*

Федор Достоевский «Братья Карамазовы». *Если книга может «перепахать» и «выковать», то это как раз такой случай.*

Гектор Мало «Без семьи». *Книга, которую надо прочитать в раннем детстве, вернуться к ней лет через двадцать и убедиться в том, что она повлияла на характер, вкусы и принципы гораздо сильнее, чем многие другие — книги и люди.*

Льюис Кэрролл «Алиса в Зазеркалье». *Сказка на все времена — но только в переводе Демуровой...*

Мюриел Спарк «Мисс Джин Броуди в расцвете лет». *Именно тот редкий сорт иронии, который я люблю.*

Леонид Пантелеев «Приоткрытая дверь». *Дневниковые записи одного из самых любимых моих писателей. Книга зачитана до такого состояния, что страшно брать в руки.*

Макс Фриш «Назову себя Гантенбайн». *Прочитав этот роман, я впервые захотела написать свой.*

Харпер Ли «Убить пересмешника». *Для тех, кто не знает, как надо правильно воспитывать детей. Целительная, честная, добрая книга.*

Сью Таунсенд «Тайный дневник Адриана Моула». *Адриан Моул — это я.*

Десять книг Анны Матвеевой — http://book.uraic.ru/chitaem_vmeste/divan/spisok4/

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ, ПО-ВАШЕМУ, ИЗНАЧАЛЬНО ВРЕДНЫЕ КНИГИ
— ИЛИ ЭТО ВОПРОС ИНТЕРПРЕТАЦИИ? ЕСТЬ КНИГИ,
КОТОРЫЕ ВЫ БЫ НИКОГДА НЕ ДАЛИ СВОИМ ДЕТЯМ?

Есть вредные книги — пропагандирующие насилие. Есть книги, написанные скверными людьми — потому что нельзя запретить человеку писать и публиковаться только на том основании, что он — циник и сволочь. К счастью, у всех нас есть абсолютная свобода выбора — не нравится, не читайте, вот и все. Я недавно нарвалась на одну совершенно гнусную книжечку, выбросила ее в помойку и не вспоминала об этом происшествии, пока не стала отвечать на ваш вопрос. Что касается детского чтения, то пока есть возможность контролировать этот процесс, я его контролирую, как только меня перестанут спрашивать, проблема отпадет сама собой.

АННА, У ВАС ЕСТЬ ТАКИЕ ТОНКИЕ РАССКАЗЫ О ДЕТЯХ.
ДЛЯ ДЕТЕЙ ВЫ ПИСАТЬ НЕ ХОТИТЕ?

Хочу — но это слишком ответственное дело. Пока не готова.

Я очень плохо помню первый год в школе, потому что он был занят завоеванием Полины Поляниной. Училась я легко: считать, читать и писать меня научила мама. А всем остальным мне все равно не суждено было овладеть. Подружиться с Полиной было

просто... Но я хотела невозможного: я хотела стать единственным другом Полины Поляниной. Единственным, я повторяю, и лучшим.
(«Рыжее платье»)

Потом мама уснула, а Светка до утра сидела на кухне, глядя в темную пустоту на том месте, где всего лишь несколько часов назад стояла красная «мазда». Она сидела, слушала музыку и думала о том, что, в конце концов, любая жизнь — рано или поздно — съезживает-ся до размеров одного-единственного человека. Которого ты на самом деле любишь.
(«Твою мать»)

ИСКЛЮЧАЕТЕ ЛИ ВЫ ДЛЯ СЕБЯ ВОЗМОЖНОСТЬ
ПРЕПОДАВАНИЯ?

Почему же? Я периодически пытаюсь научить взрослых детей основам журналистского мастерства — даже иногда получается. Жаль, что это не всегда ко времени.

КАКИЕ У ВАС ОТНОШЕНИЯ С МУЗЫКОЙ? КНИГА
ОБ ОПЕРНОМ ТЕАТРЕ — ЭТО ВЕДЬ ЗАКОНОМЕРНО?

Я закончила музыкальную школу, вот и все отношения. Оперу всегда любила, и теперь люблю — поэтому над книжкой работалось легко и с удовольствием.

Успех прощают только равным, и когда Валя не была артисткой, в театре ее любили на самом деле. Но любить того, кто стал лучшим, не имея никаких прав на это, любить того, кто перешагнул через хор и маржовые партии, проскочив в ведущие солисты, — разве можно осуждать артистов за то, что они не могли признать Валью равной себе?

Все партии в этом «Онегине» Вера Андреевна оставила нетронутыми — ей нравилось. Что Ольгу поет рослая Катя Боровикова, что вместе с крупной, пышной Лариной они нависают над бедной Вальей, будто великаны над Гулливером

(«Найти Татьяну»)

МНОГО ЛИ ПУТЕШЕСТВУЕТЕ И КАКИЕ У ВАС ЕСТЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИСТРАСТИЯ? А КУЛИНАРНО-
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ?

Путешествуем мы вместе с мужем, иногда — с детьми, особых географических пристрастий не имею — разве что вот в Индию с удовольствием съездила бы еще несколько раз. Из кухонь нравится итальянская и бельгийская.

— Из тебя получится золотая жена, — говорил он за обедом, доедая брезолу.

— Для кого? — отвечала Катя, смакуя феттучини.

Что ела Нина, какими деликатесами потчевал ее Карлик, доподлинно неизвестно, потому что ходили они в далекие от туристических троп рестораны, где подавали истинно итальянские блюда.

(«Па-де-труа»)

ЕСТЬ ЛИ У ВАС ХОББИ, АННА?

Я вышиваю крестиком. Честно.

Беседу вела Валентина Живаева

Невозможно любить всех вокруг, надо, чтобы каждый выбрал кого-то одного и любил его по-честному.

(«Последнее письмо»)

И СНОВА МУЗЫКА ...

1955 год. В стране огромный интерес к классической музыке, в большом количестве открываются музыкальные школы для детей и взрослых, по радио часто звучат концерты классической музыки. Вспомним эпизод из любимого фильма «Весна на Заречной улице», когда учительница Таня слушает Второй фортепианный концерт Рахманинова.

В библиотеке Белинского открывается отдел музыкально-нотной литературы. К тому времени в фондах библиотеки было около 17 тысяч нотных изданий.

Из воспоминаний **З. Ф. Уткиной**, первой заведующей отделом: «Я работала в отделе комплектования и через мои руки проходили нотные издания, поступающие в библиотеку. Когда встал вопрос о создании отдела, я поняла, что это то место, где бы мне очень хотелось работать. Выросшая в музыкальной семье, я хорошо представляла, какими изданиями должен комплектоваться фонд, как лучше удовлетворить запросы читателей... Средств на комплектование выделялось много, я ездила в Ленинград, покупала в букинистических магазинах старые клавиры, отправляла посылки с нотной литературой. Помню, как в библиотеку зашел Марк Израилевич Паверман и сказал: “В моей библиотеке не оказалось нужной мне партитуры, не найдется ли у вас?” К моей радости, эта партитура оказалась в библиотеке, после этого М. И. не раз заезжал к нам в отдел. Многие музыканты, артисты были постоянными нашими читателями. Наталья Панкова, тогда еще девочка... она была уникальным ребенком, светилась, будто солнышко. Заведующая кафедрой истории музыки Уральской консерватории Е. Б. Нестерова, Николай Гольшев, ныне профессор, друзья моего брата, музыканта Владимира Уткина.

Думая над расстановкой фонда, мы решили, что лучше всего нотные издания расставить “по инструментам”, а внутри — по алфавиту авторов музыкальных произведений. Потом появились пластинки, первая радиолка, наши возможности расширились. Большой популярностью пользовались лекции о композиторах, на которые приходили не только взрослые, но и дети со своими родителями. В дальнейшем они становились нашими постоянными читателями и почитателями, ведущими лекций и концертов. Порой за день мы обслуживали до 300 читателей... Сотрудники отдела считали своим долгом быть в гуще музыкальных событий города, посещались практически все филармонические концерты, оперные спектакли, что очень помогало в работе.

Библиотека находилась в центре города в удобном месте, и многие заходили просто на огонек: почитать свежие журналы, поделиться впечатлениями о прошедшем концерте. Очень часто проводились музыкальные вечера силами студентов и преподавателей консерватории...

Зинаида Федоровна Уткина

Из воспоминаний **Зинаиды Федоровны Уткиной**: «Мама и тетя пели в любительском хоре в опере, один из братьев, Владимир Уткин — пианист. Во время войны Генрих Нейгауз приглашал его в Москву в свой консерваторский класс. В семье много музицировали, много читали вслух, одно из ярких детских читательских воспоминаний — «Хижина дяди Тома», которую услышала в три года и запомнила на всю жизнь. В сенях стоял большой шестирядный шкаф с собраниями сочинений русских классиков (приложение к журналу «Нива»), читала прямо в шкафу, где и засыпала...»

Ирина Михайловна Матвеева

1974 год. Ирина Михайловна Матвеева: «Будучи заядлой театралкой, я часто посещала театр Музкомедии, ТЮЗ и, конечно, оперный. Регулярно заходила в музыкальный сектор, чтобы посмотреть либретто опер, уточнить данные о певцах... Меня заметили и вскоре пригласили перейти из библиографического отдела в их сектор. Умудрившись упасть и сломать запястье правой руки, я, тем не менее, явилась на новую работу. Мне поручили вести фонотеку. До сих пор встречаются старые карточки на грампластинки, написанные моей левой рукой; так я постепенно изучила описание, а затем самые страшные карточки переписала уже правой.

До сих пор с содроганием вспоминаю, как, оставшись на выдаче совсем одна, я увидела импозантного мужчину, который опирался на палочку и попросил принести что-то совсем простое. Найти я ничего не смогла. А это был сам Паверман! Он был в гневе, но, как воспитанный человек, выговаривать не стал, и молча удалился. Наверное, я сказала, что новенькая, возможно, он сам понял это. Мне всегда кажется, что то поколение людей не переносило несоответствия человека своему месту и не прощало этого ни себе, ни окружающим, — отсюда и их масштаб.

Сектором в это время заведовала Розалия Анатольевна Паршина, умная, волевая женщина. Именно ее заслуга, что уровень работы сектора вырос. Мы ставили не только «датские» выставки, но и разрабатывали сложные по тематике и объемам экспозиции, необходимые именно специалистам. Из сотрудников того времени мне запомнились: Нэля Астафьева, очень строгая, любящая порядок во всем; Римма Борисовна Иванова, общительная и любящая музыку; Надя Погорелова — самая молодая, очень симпатичная, к ней тянулись читатели и сотрудники библиотеки. Мы работали очень дружно. Фонд был огромный, специфический; работа комплексной. Без взаимопомощи успехов не достичь.

Сектор обслуживал всех — и профессионалов, и любителей. Наверное, есть известная доля истины в анекдоте про бабушку, просящую в библиотеке фиги Баха. Всем ясно, что иметь дело с родителями и бабушками, далекими от музыки, очень сложно, гораздо легче и интереснее обслуживать профессионалов даже с самыми сложными заявками. Большим облегчением было открытие в городе Областной детской библиотеки и нотного сектора в ней. Мы отдали часть нот в детскую библиотеку. После открытия нотного отдела в библиотеке им. Герцена мы и с ним поделились своими нотными фондами и частью книг. Позднее наш сектор отказался от обслуживания читателей-любителей, зато число специалистов требовалось довести до 2 000 человек. Гигантская цифра!

Паверман в нашем отделе больше не появлялся, но по его просьбе мы неоднократно обслуживали его аспирантов, будущих дирижеров музыкальных театров страны. И горе было тем должникам, которые задерживали ноты. Однажды мы пожаловались шефу. То-

варищ, много месяцев задерживавший ноты, прилетел на следующий день на крыльях с нотами в зубах.

С творческими работниками всегда непросто, тем приятнее было иметь дело с такими читателями, как Семен Духовный. Он был ведущим артистом Музкомедии и тоже мог исчезнуть надолго, но по первому же зову прибегал в библиотеку и возвращал взятые ноты.

Незабываемым читателем был Юрий Константинович Козловицкий. Флейтист оперного театра, давно уже пенсионер, он сохранил такую форму, что мог заменить заболевших коллег в театре. Как он любил музыку! Про одну из вокалисток он говорил, что ее надо слушать стоя! А теперь представьте, что книгу о Шаляпине ему сунули в руки как-то боком, небрежно сняв с полки. Юрий Константинович два месяца не разговаривал с этим библиотекарем!

Борис Нодельман (сегодня — главный дирижер Театра музкомедии) в те времена был пианистом нашей филармонии. Он мог одновременно просматривать ноты и вести беседу с Риммой Борисовной о святом искусстве.

А. Пантыкин

*Маленькие
вариации
на тему песни
Леннона и Маккартни*

19.3.1980

СОНАТИНА (19 марта 1980 г.)
(на тему из песни Джона Леннона и Пола Маккартни "Hey Jude" в стиле

Allegro giocoso

росо а росо серсе.

Из фонда нот
уральских композиторов

Из фонда нот
уральских композиторов:
В. Кобекин «Феофан Грек»:
соната для фортепиано,
фрагмент

Ольга Васильевна Гайдук

Р. Б. возводила глаза и то и дело восклицала: “Да что вы говорите?!”. Я в это время медленно сползала от смеха со стула под кафедру выдачи. Когда в библиотеке проходило анкетирование читателей, в графе “ваши пожелания” все писали о работе до 12 ночи, а он написал: “Повысить зарплату библиотекарям”.

Вечера проводились нечасто, но забыть блистательную Наталию Вильнер невозможно. О чем она только ни рассказывала: о творчестве Сергея Сиротина, Владимира Кобекина, о взаимосвязи живописи и музыки. С годами ее талант и красноречие выросли, до сих пор каждое ее посещение — маленький праздник для отдела.

Хочется вспомнить Георгия Евгеньевича Ратнера, директора Дома грампластинок. Благодаря ему для нас откладывали все пластинки классического репертуара. Он же помог создать в отделе фонд этнической музыки, часто консультировал. Я думаю, по качеству фонда грампластинок наш отдел — один из лучших в России.

Мы организовали такую систему прослушивания, при которой пластинку ставил сам библиотекарь. Читатели сидели в наушниках в зале и пластинок не касались — это позволило сохранить качество записей на грампластинках».

1996 год. Ольга Васильевна Гайдук: «Я пришла в отдел 21 октября. И наша библиотека, и городская система Екатеринбурга пережили период очередной реконструкции, и ее первой жертвой стали музыкальные отделы. Нас объединили с городской музыкальной библиотекой им. Герцена. Мы отказались воспринимать этот факт трагически и гордо начали именовать себя музыкальной библиотекой. Свою дружбу и взаимопонимание мы сохранили до сего дня.

Местом, приютившим нас, стало двухэтажное здание на улице Белореченской; на первом этаже медленно умирал филиал городской библиотеки, а на втором, в тесноте, но не в обиде жили мы — «музыканты» со своими фондами, пластинками, каталогами и тремя кафедрами выдачи. Читальный зал был единый, читатели общими, а нас и вообще долго не считали отдельными библиотеками. Это был бурный период, который читатели до сих пор вспоминают с удовольствием. Мы устраивали просмотры музыкальных фильмов, у нас обкатывались будущие программы филармонии. Одно из самых ярких воспоминаний — концерт средневековой музыки для арфы.

В это время в отделе работали три человека: я, В. Т. Гарифьянова, И. М. Матвеева. Позднее к нам присоединилась Мариночка Васильева, девушка с незаурядной эрудицией и неслабым меццо-сопрано, писавшая к тому же роман из жизни Верди. Даже ягодные кусты в ее саду носили имена композиторов, и можно было с утра услышать, что “Мусоргский подмерз”, а “Чайковский нуждается в обрезке и поливке”. Читатели любили ее за добрый нрав и безот-

казность. Единственным недостатком Марины было ее музыкальное образование, что мешало ей всерьез воспринимать нашу профессию, не дававшую простора ее творчеству. Увы, Мариночка покинула нас...

Знаменательные события: появился ксерокс, начался перевод фонда пластинок на аудиокассеты, добровольные помощники пополнили наш фонд редкими, уникальными записями ("Огненный ангел" Прокофьева и другие). В эти годы мы были востребованы как никогда: к такому количеству читателей нам не удалось вернуться до сих пор.

Вскоре произошли очередные изменения: отдел покинула В. Т. Гарифьянова и появились В. А. Бабушкина и Н. В. Костромитина.

Валентина Андреевна внесла в наш слетка взбалмошный коллектив хозяйственную рассудительность и элементы фэн-шуя. Свою карьеру в библиотеке она начинала с отдела искусств, и ее воспоминания о поездке на юг с кипой карточек на грампластинки, взятых в отпуск для дублирования, пользуются у новичков отдела неизменным успехом, вызывая попеременно тихий ужас и умиление.

Спустя три года грянул новый переезд. Новым местом обитания стала Библиотека для слепых с ее замечательным директором Л. И. Логвиненко. И снова нас приняли как родных. Мы осваивали новое пространство — уютное помещение на первом этаже. Как и на Белореченской, за окном цвели сады и пели птицы, а читатели осваивали район автовокзала. Кстати, некоторые ищут нас там до сих пор и удивляются, чем нам не подошли прежние места.

2003 год: мы вернулись в родные стены. В библиотеке полным ходом шла подготовка к переезду в новое здание. Впереди был ремонт, замена окон, разбор запасников, о которых мы уже подзабыли, а главное, борьба с должниками и привлечение новых читателей. Возвращение наше вызвало приступ радости у пользователей, особенно их радовали наши расширившиеся пространства и фонды, ведь все это время с нами по городу путешествовало не более 35 % фонда, особенно радовались духовые оркестры (никогда не думала, что их так много).

Мы в спешном порядке осваивали новые технологии, чтобы доказать молодой поросли и самим себе, что есть еще порох в пороховницах. Особенно преуспела наш корифей и старожил отдела И. М. Матвеева, которая быстрее всех успевает освоить новое.

Знаменательное событие — юбилей К. А. Кацман. К. А. Кацман передала нам свой архив — живую историю ТЮЗа, в стенах которого проработала много лет. Кстати, приток даров от композиторов с той поры увеличился.

Ударным выдался год **2006:** 50-летие отдела и секция музыкальных библиотек Российской библиотечной ассоциации в наших стенах. Мы собираемся вместе редко, а жаль: есть много проблем, которые не решить в одиночку. Благодаря этому событию мы упрочили связи с коллегами из библиотек музыкального училища и консерватории».

*Валентина Андреевна
Бабушкина*

Появилась возможность разобрать редкий фонд, заканчивается работа над созданием электронного каталога нот уральских композиторов. В этой коллекции — множество рукописей, подаренных авторами. Это заслуга Елены Юрьевны Вылегжаниной, музыковеда и просто замечательного человека, которая с упорством и терпением работает с рукописями.

Пришла новая заведующая — Лилия Ирековна Зарипова, установились творческие связи с Уральской консерваторией, музыкальным училищем им. Чайковского, училищем культуры и искусств, Уральским отделением Союза композиторов.

И снова, как 50 лет назад, в отделе зазвучала живая музыка.

26 декабря 2006 года состоялся концерт фортепианной музыки, солист — Евгений Черепанов, лауреат международных конкурсов, студент Высшей школы музыки в Ганновере и одновременно выпускник Уральской Государственной консерватории, читатель нашего отдела. Он порадовал нас произведениями Ференца Листа. Старое, но отреставрированное и настроенное по случаю концерта пианино выполняет свое основное предназначение; казалось, что оно просто не выдержит той экспрессии, с которой молодой пианист играл виртуозные пассажи. Такие вечера становятся традицией.

28 марта 2007 года — музыкальный вечер «Кумир галантного века», посвященный 275-летию Йозефа Гайдна. Ведущая — Елена Вылегжанина, библиограф отдела музыкально-нотной литературы, исполнители — студенты Уральской Государственной консерватории, лауреаты международных конкурсов (трио — Андрей Щербаков (фортепиано)

Лилия Ирековна Зарипова

*Дуэт Армине Назарян
(виолончель)
и Евгения Черепанова
(фортепиано)*

но), Леонид Орлов (скрипка), Вадим Масалев (виолончель); квартет — Татьяна Шмарева (скрипка), Ксения Деменчук (скрипка), Антон Хлынов (альт), Иван Елькин (виолончель)).

25 апреля 2007 года — концерт к 100-летию В. Соловьева-Седого. Студенты и преподаватели, вокалисты Свердловского музыкального училища им. П. И. Чайковского и коллектив из музыкально-поэтической гостиной «Радуга» исполняли песни советских композиторов, а зрители с удовольствием подпевали солистам. Музыкальный вечер завершили всеобщим исполнением песни Соловьева-Седого «Подмосковные вечера», ставшей музыкальной визитной карточкой страны.

28 апреля — концерт французского певца Филиппа До, поразившего зрителей своим талантливым исполнением, удивительным обаянием, широкой музыкальной эрудицией.

30 мая — концерт дуэта Армине Назарян (виолончель) и Евгения Черепанова (фортепиано). В их исполнении прозвучали сонаты Бетховена, произведения Брамса, Шумана. Молодые, талантливые, они просто очаровали публику.

*Концерт к 100-летию
В. Соловьева-Седого*

Весна 2007 года в отделе музыкально-нотной литературы была действительно музыкальной, начало следующего музыкального сезона планируется в октябре. Очень хочется видеть в числе зрителей сотрудников нашей библиотеки.

За последний год изменился внешний облик отдела. Украшением интерьера стала афишная тумба с информацией о самых интересных музыкальных событиях. Афишная тумба — подарок новых друзей отдела. Жизнь продолжается...

АЗБУЧНЫЕ ИСТИНЫ

Выставка картин, азбук и букварей

4 мая — 1 июня 2007

Букварь является одновременно одной из самых распространенных и одной из самых редких книг: его держал в руках каждый, кто умеет читать, но старые буквари редко хранятся в домашних и публичных библиотеках. Азбука и букварь в их современном виде как учебники, обучающие азам грамматики, навыкам чтения, содержащие тексты для чтения и иллюстративный материал, делающий обучение увлекательнее и в то же время формирующий у учащегося определенную картину мира, сложились в XVIII веке. Изменение методик обучения, идеологических, экономических, социальных воззрений, влиявших на корпус упражнений и текстов для чтения и художественное оформление азбук, вызвали за три столетия появление множества разнообразных изданий.

На выставке «Азбучные истины» были представлены русскоязычные азбуки и буквари XX века для детей и взрослых, современные переиздания наиболее знаменитых букварей прошлого, поэтические азбуки из домашних библиотек, фондов научной библиотеки Уральского государственного педагогического университета, Объединенного музея писателей Урала, Музея истории поселка Кузино (при школе № 36), Свердловской областной библиотеки для детей и юношества, Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского, научной библиотеки Уральского государственного университета им. А. М. Горького и живописные работы самодельного художника Федора Ивановича Каменских (1908–1995), хранящиеся в семье художника и Нижнетагильском музее изобразительных искусств.

БУКВАРИ С ВЫСТАВКИ

Каждый букварь предлагает ребенку целый мир, уже осмысленный, упорядоченный взрослыми. Мир этот, как ни смотри, прост, беден и незамысловат, но весел и увлекателен. А о времени и жизни взрослому скажет не меньше, чем годовая подшивка газет.

Яркой и идеологически определенной картина мира стала в букварях советского времени, особенно в 1960-х — 1980-х годах с неизменными Лениным, Пушкиным, Гагариным и «Москва — столица нашей Родины». Букварь того времени настойчиво рекомендовал детям чтение: знакомил с героями сказок и избранными классика-

ми литературы, восхвалял чтение в стихах и был снабжен изображениями читающих детей и взрослых.

Исчезли портреты вождей, истории о Ленине, Сталине, Молотове, Хрущеве. Создатели новых букварей в большинстве случаев отказываются от идеологической роли первого учебника. В одном букваре сегодня уживаются Хрюша из «Спокойной ночи, малыши!» и Баба Яга, Иван-дурачок и Микки Маус; все больше появляется отсылок к опыту детей как телезрителей. Новые картины мира разнообразны и эклектичны, списки писателей, ученых и других великих людей пополнились даже Даниилом Хармсом и Эдисоном Денисовым, которых теперь также можно встретить на страницах букварей.

Афанасьев П. О. БУКВАРЬ / П. О. Афанасьев, Н. А. Костин ; худож. В. Баюскин, А. Комаров, С. Адрианов, В. Бордиченко, М. Евстафьев. — 3-е изд. — М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1935. — 64 с. : ил.

Впервые этот букварь вышел в 1933 году. Данный экземпляр, ныне хранимый Объединенным музеем писателей Урала (среди множества книг писателя, коллекционера и краеведа В. П. Бирюкова), принадлежал Миле Поповой, о чем сообщает запись в букваре. В книге лежали этикетки, самодельный блокнотик из 4 листов и детские рисунки, созданные, по-видимому, владелицей букваря.

На первой картинке мы видим, как девочка Маша и мальчик Паша собираются в школу, их провожает мама, на стене висит портрет Ленина, читающего газету. Потом дети на уроке пишут слова ДОМ и МАМА, вдруг появляется слово ДУШ и картинка с мальчиками в душе (а почему в душе только мальчики, спрашивали пришедшие на выставку первоклассники). На страницах букваря — Советский Союз рубежа 1920—1930-х годов: с конструктивистскими домами, в которых и ясли, и столовая, и прачечная; с саклями в аулах и юртами в степи; с людьми у радиоприемников; с праздничными шествиями и самолетами, разбрасывающими листовки; с веселыми зимними детскими играми и недетской политподготовкой:

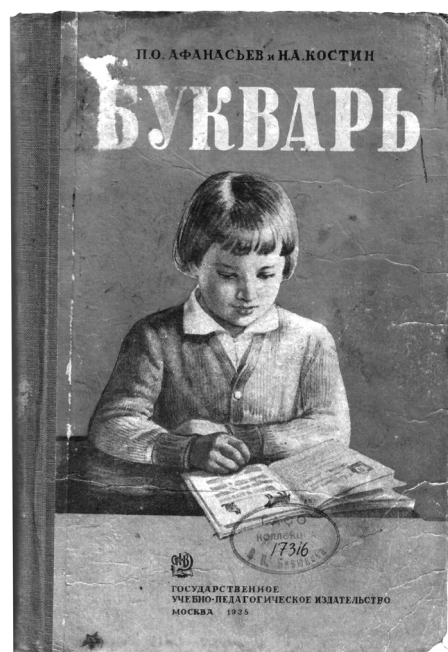
Нас окружают // повсюду враги. // Красная армия, // Страну береги!

Работай спокойно, // Советов страна: // Красная армия // крепка и сильна!

Все на площадь! // Песни пой! // Флагов роцц // над толпой. // Левой, раз, два! // В путь вперед по мостовой! // Раз, два! // Самолет над головой. // Раз, два! // Наши, наши самолеты. // В них советские пилоты. // Левой, раз, два!

Воскресенская А. И. БУКВАРЬ / А. И. Воскресенская. — М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1946. — 96 с. : ил.

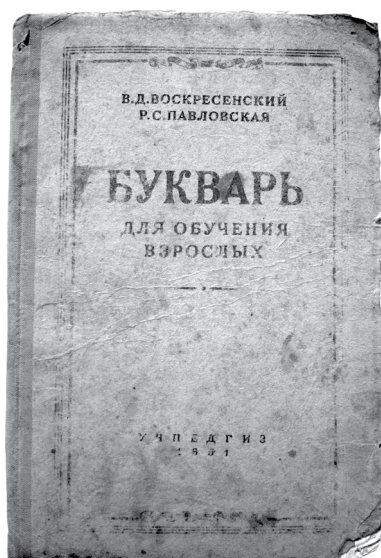
Один из первых стабильных букварей послевоенного времени, с 1945 по 1963 годы он выдержал 20 изданий. Данный экземпляр, в

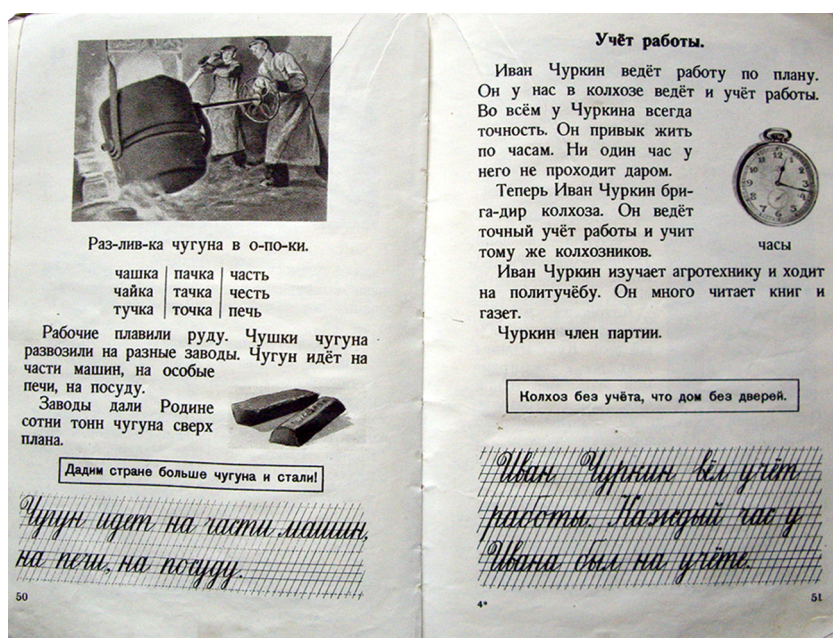
Букварь Милы Поповой

Рисунок, лежащий в букваре

Букварь для обучения взрослых

свое время списанный из Шадринской районной детской библиотеки, также из коллекции В. П. Бирюкова.

На страницах букваря мы встречаем сцены боев и возвращения солдат с фронта, изображения сельскохозяйственных работ и детских зимних забав. В качестве героев современности и истории выступают В. И. Ленин, И. В. Сталин, В. М. Молотов.

Дети учатся грамоте и взрослой ответственности за Родину:

Отец командиром ушел на войну, // ушёл на борьбу с врагами. // Я тоже люблю свою страну, // но только я мал годами.

Я знаю, винтовку мне не дадут, // но дело найдется повсюду! // Все силы свои, свой детский труд // стране отдавать я буду.

Редозубов С. П. БУКВАРЬ для обучения неграмотных чтению и письму : утв. Наркомпросом СССР / С. П. Редозубов. — М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса СССР, 1945. — 96 с. : ил.

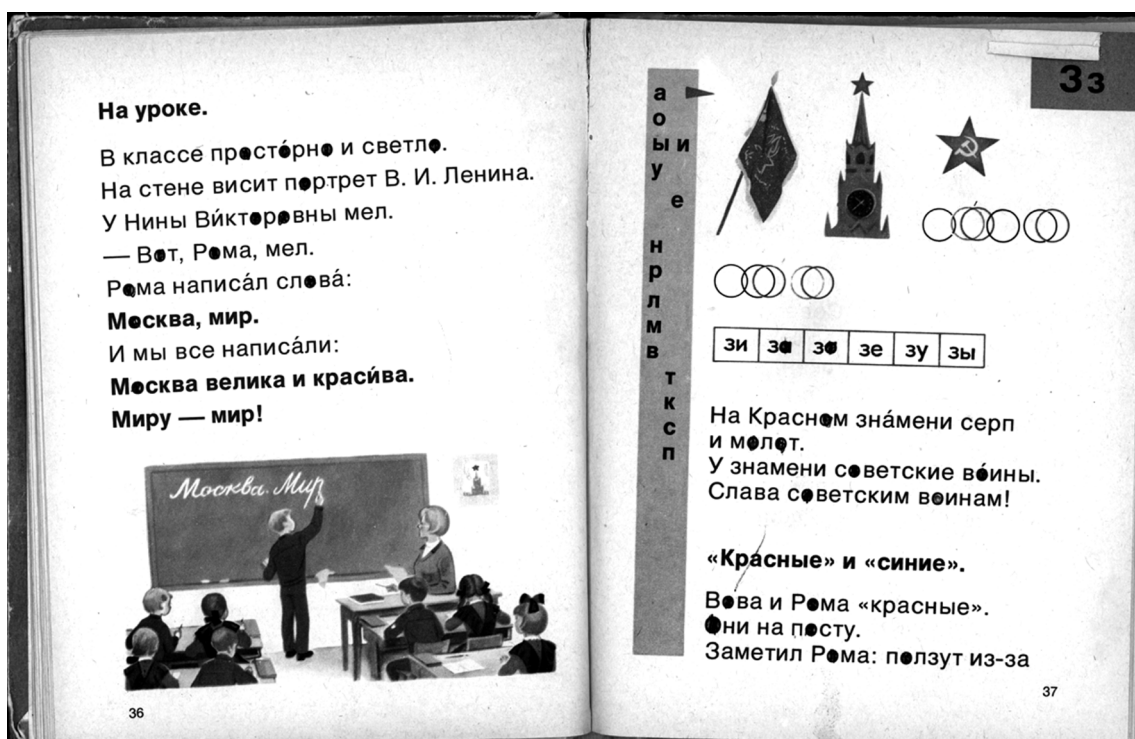
С 1945 по 1952 годы этот букварь выдержал 7 изданий. Представленный на выставке экземпляр — из фонда В. П. Бирюкова Объединенного музея писателей Урала.

На третьей странице мальчик собирается в школу, приходит в класс и получает из рук учителя букварь. А на пятой — мама и мальчик провожают отца на фронт, рядом помещается изображение танкового боя. На страницах этого букваря трактор и танк — рядом; кормить ребенка, косить траву, рубить дрова, взрывать мост, доить корову, строить дом — все это равноправные и необходимые работы; новогодняя елка украшается игрушечными самолетами и пушками. Звук О и букву

О различают в столах раненного на носилках, в словах обруч, осы, орден, отец.

Появляются изображения конкретных книжек и газет: детям читают «Муху-цукотуху», в сумке видна газета «Правда». Встречается герой последующих букварей — малыш на деревянной лошадке, играющий в красноармейца.

В конце — неизменные пока Ленин и Сталин. По пути к ним дети узнавали: «Пушкин — поэт. Он писал стихи». Но сами читали и учили наизусть строки, в которых звучит только-только завершенная война:

Что я рисую // Я рисую, я рисую // нашу армию в бою — // танки,
пушки, пулеметы, // кавалерию мою.

Вот летают самолеты, // самолеты-ястребки. // А вот тут от-
ряд пехоты // на врага идет в штыки.

Букварь 80-х годов XX столетия

Воскресенский В. Д. БУКВАРЬ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ / В. Д. Воскресенский, Р. С. Павловская. — 2-е изд. — М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1951. — 112 с. : ил.

Из фондов Музея истории пос. Кузино (школа № 36), Свердловская область. Буквари для взрослых — редкость в свердловских библиотеках и музеях.

Начинали учиться по ним, как и дети, со слов «мама» и «рама», потом переходили к стихотворениям Лермонтова и Пушкина, к написанию заявлений и расписок, читали о праве на отдых и образование, о Мичурине и Лысенко, о жизни колхозников и рабочих. «Дадим стране больше чугуна и стали!» — призывали рабочих. «Колхоз без учёта, что дом без дверей», — назидательно сообщалось на странице пятьдесят один для сельских жителей.

БУКВАРЬ / методист Н. Архангельская; писатели С. Прокофьева, Г. Сапгир; худож. Н. Андреев, М. Беломлинский, О. Богаевская, В. Богаткина, Е. Рачев, Е. Чарушин. — 6-е изд. — М. : Просвещение, 1971. — 104 с. : ил.

Листая этот букварь (его первое издание вышло в 1966 году), невольно чувствуешь, как много внимания уделяется заботе о младших: первоклашки помогают малышам, в свою очередь получая заботу со стороны пионеров и взрослых. От разнообразных по стилю красочных иллюстраций щемит сердце. Кажется, что именно так и живет, и должен жить ребенок.

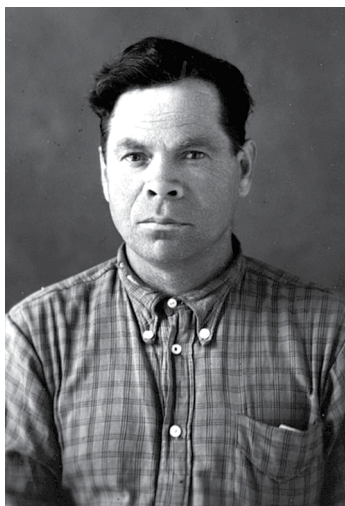

В букваре В. Горецкого, В. Кирюшкина, А. Шанько (издавался с 1981 года; для четырехлетней начальной школы тот же авторский коллектив составил «Азбуку») с иллюстрациями И. Бруни, Ю. Копейко, М. Митурича и других художников много сцен работы на грядках, в колхозе, в парке: учебник, по которому учились дети и в городе, и в деревне, кажется, больше рассказывал о жизни природы и о жизни на селе, чем о перипетиях городской жизни.

КАРТИНЫ

Визуальному миру азбук были созвучны картины нижнетагильского самодеятельного художника Федора Ивановича Каменских (1908—1995), с его любованием окружающим миром и ясными этическими идеалами.

Федор Иванович Каменских

Федор Иванович Каменских в 1934 году окончил двухмесячные курсы художника-оформителя при редакции газеты «Тагильский рабочий», делал стенгазеты, с 1939 года участвовал в городских и областных выставках народного творчества. С 1941 по 1946 годы был на войне, дошел до Берлина, а закончил войну на Дальнем Востоке. В 1987 году получил диплом Всесоюзного фестиваля художественного творчества трудящихся. О художнике рассказывает его внук **Владимир Селезнев**.

Рисование для него было просто хобби. Он не всегда ставил год создания на своих работах, но один из самых ранних рисунков датирован 1936 годом. Ранние его работы, которые сохранились, это, в основном, копии с Шишкина, Левитана и других художников.

Рисовал он всегда дома. Сооружал некое подобие мольберта, прямо в своей комнате ставил кусок оргалита или лист оцинкованного железа и так работал. Одну картину он мог рисовать до трех месяцев, а то и дольше; правил уже написанные работы.

Героями его картин часто были родные, правда, какого-то портретного сходства не увидишь. Но он сам иногда говорил, что вот в «Дарах природы» он нарисовал себя и свою жену, в другой картине — «Просека на станции Анатольской» — он нарисовал свою дочь (мою маму) и своего младшего сына Мишу. Или, например, в двух его картинах «День железнодорожника» и «70 лет труда и побед» есть такой персонаж — баянист, в обеих работах написанный в одном ракурсе, это, скорее всего, он изображал себя, потому что он играл на баяне. В «Тихой охоте» он нарисовал себя и свою жену в походе за грибами. Он был большой любитель сбора грибов, и когда я был маленький, часто брал меня с собой. Если в лесу я пропадал из вида, он доставал свисток и начинал свистеть, это был знак того, чтобы я к нему бежал.

С другими художниками он, насколько я знаю, не общался, сам по себе он был человек необщительный, даже в семье или с людьми зна-

комыми был немногословен. И, кстати, он не очень любил критику. Помню такой случай. Он только что закончил работу, которая называется «В поход за здоровьем», подзывает меня, спрашивает, нравится или нет, я говорю, нравится, только почему солнце в одной стороне, а тени падают в другую. Больше он никогда не показывал мне только что законченные картины и не спрашивал моего мнения. А вообще при всей своей молчаливости и замкнутости в душе он был ребенком, он как-то по-детски смотрел на некоторые вещи.

МНОГИЕ НАИВНЫЕ ХУДОЖНИКИ ОБРАЩАЮТСЯ К ОПЫТУ ДЕТСТВА, К ОБРАЗАМ СВОЕГО ПРОШЛОГО.

Не припомню, чтобы он изображал себя в детстве, но зато он рисовал картины для своих детей и внуков, например, помню такую картину «Веселая компания», где разное зверье играло на музыкальных инструментах и плясало на лужайке возле пряничного домика. Когда мы с братом были маленькие, он на оргалите нарисовал нам игру по сказкам Пушкина: бросаешь кубик и ходишь по клеткам, раньше такие игры были популярны.

КАК СЕМЬЯ ВОСПРИНИМАЛА ЕГО ЗАНЯТИЯ ЖИВОПИСЬЮ?

Родные воспринимали его рисование как чудачество, например, многим нравилось, как он изображает природу или натюрморты, но считали, что рисование людей ему не удастся, и что зря он их вообще изображает, и особой ценности в его живописи не видели. Он часто дарил картины родным на дни рождения, продал, насколько я знаю, всего две штуки по каким-то символическим ценам, что-то около 20 рублей, кажется.

Федор Иванович Каменских.

ДАРЫ ПРИРОДЫ. 1969. ДВП,
масло

*Собственность семьи
художника*

*На обороте помещено
авторское описание картины
и загадка: «У хозяйки дачи
день рождения. Она гуляла с
сыном, и хозяин к ее приходу
приготовил стол изобилия и
встречает цветами. Сколько
в картине даров природы?»*

Я, до того, как поступил на худграф, тоже считал, что дед просто ерундой занимается, меня его картины просто забавляли. Уже когда я стал учиться на худграфе, узнал, что были такие художники, как Пирсмани, Таможенник Руссо, Яковлев, существовали такие направления, как наивное искусство и арт-брют; я стал смотреть на его картины другими глазами. Но это случилось, к сожалению, уже после его смерти.

И сейчас я понимаю, что дед во многом повлиял на выбор моей будущей профессии. С детства я вдыхал запах масляных красок, который распространялся по всей квартире из дедовской комнаты, это и сейчас один из любимых моих запахов.

ОН ПЕРЕЖИЛ ВМЕСТЕ СО СВОЕЙ РОДИНОЙ МНОЖЕСТВО БЕД,
КАКОВЫ БЫЛИ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ?

Он очень интересовался политикой и тем, что происходит со страной, всегда смотрел новостные программы, выписывал много газет, в его комнате постоянно было включено радио. У нас раньше на стене висела большая карта мира, и, когда по телевизору сообщали что-нибудь типа «в Бангладеш повстанцы захватили...», он, если не знал местоположение этой страны, начинал искать его на карте. Однажды, когда мне было лет десять, мы вместе смотрели телеви-

зор, и в новостях что-то говорили про Албанию, я задал деду вопрос, какие обычно задают дети: «Деда, а Албания за нас?», — он мне ответил метафорически: «Албания — это проститутка». Он часто живо реагировал на какие-то новости, как-то комментировал их. Читал он в основном газеты и журналы, выписывали мы тогда много, и он читал все подряд, даже те журналы, что выписывали нам с братом. А из книг у него были в основном словари и разные детские книжки, помню, например, такой старый трехтомник сказок Афанасьева, я их в детстве читал.

НА ОБОРОТНОЙ СТОРОНЕ НЕКОТОРЫХ РАБОТ НАПИСАНЫ
ВОПРОСЫ-ЗАГАДКИ. КАЖЕТСЯ, ЧТО РАБОТЫ СОЗДАНЫ
ДЛЯ ПУБЛИКИ — ДЛЯ СОСЛУЖИВЦЕВ, НАПРИМЕР.
КТО БЫЛИ ЕГО ЗРИТЕЛИ?

Я думаю, тексты он писал для семьи, он, кстати, очень любил такие игры и всегда, когда показывал работы кому-нибудь из родных, задавал эти загадки, например, сколько видов цветов на картине или сколько овощей и фруктов на натюрморте.

Он очень редко вывешивал дома свои картины, они почти всегда стояли в углу. Обычно он вывешивал пару последних законченных работ, когда появлялась новая, он менял экспозицию.

ХОТЕЛ ЛИ ОН ДОСТИЧЬ СОВЕРШЕНСТВА В ЖИВОПИСИ? СМОТРЕЛ
ЛИ АЛЬБОМЫ С РЕПРОДУКЦИЯМИ?

Нет, я не думаю, что он хотел достичь совершенства. Мне кажется, его вполне устраивал его уровень, я думаю, что его даже не расстраивало то, что люди не очень получались. Хотя он очень долго писал лица, и переписывал их много раз, это видно по толстому красочному слою. Но ему очень нравилось, когда кто-то хвалил его новую картину, вообще, когда он заканчивал очередную картину, он подолгу любовался ею, сидя на стуле напротив. Мне кажется, ему очень нравились его картины.

Федор Иванович Каменских. Закон джунглей. 1989. Металл, масло
Нижнетагильский музей изобразительных искусств

Есть авторское описание картины и загадка: «Это фантазия. Написано по воображению. Три тигра напали на стадо пятнистых оленей. Два тигра поймали по оленю, а третий тигр погнался за медвежонком, а медвежонок не думал убежать, а взобрался на первое же дерево и зовет маму. Соболь в левом углу внизу также живет по законам джунглей, поймал птичку — кажется, лесного голубя — и вот-вот начнет его потрошить. Медведь и кабан не хотят драться, так как силы у них почти одинаковые и победы у них не будет, а будет ничья. Решили жить в мире и не трепать без дела нервы.

Белки над озером и утки на озере плавают спокойно и слушают дуэт двух глухачей.

Всего в картине показаны 6 видов зверей и 4 птицы — всего 10. Какие это звери и птицы? Найдите и назовите».

ПУШКИН. ЗАГЛАВНАЯ РОЛЬ

Книжная выставка

5 июня — 3 августа 2007

Выставка придумалась легко и быстро. Что может быть проще: выбрать по каталогу книги о Пушкине, названия которых строятся по принципу «Пушкин и...», «Пушкин в...» и ... о Пушкине» — а потом подвести под это грамматико-психологическую базу. Пушкин как союз: союз людей, которые всё ещё говорят на одном языке. Пушкин как предлог — повод высказаться о том, что нас интересует и задевает за живое. Мы верим, что Пушкин сказал обо всем главном, что о Пушкине каждый может сказать что-то свое. Книг нашлось более чем достаточно: «Пушкин в 1836 году» и «Пушкин в 1937 году», «Пушкин в работе над историческими источниками» и «Пушкин в любви», «Пушкин и Мицкевич» и «Пушкин и Собаньская», «Пушкин и Украина», «Пушкин и Дантес», «Пушкин и его время». О Пушкине писали Ахматова и Бонди, Цявловский и Твардовский, Горький и Розанов. Уже на уровне заглавий можно поиграть с этими книгами, заставить их перекликаться, подхватывать реплики друг друга, насмешничать. «Пушкин в изгнании» и «Пушкин в эмиграции» — совсем не об одном и том же. «Пушкин в библиотеке» — и рядом исследование о Пушкине-читателе, о Пушкине «в своей библиотеке». Книжка с суровым названием «Пушкин в оценке Герцена» — и на той же полке комментарий к «Онегину» Набокова, человека, который любил и «оценивал» Пушкина совсем по-другому. Интересно сравнить Пушкина, вышедшего под редакцией Брюсова в 1919-м году и на дешевой бумаге, с безупречным изданием «Скупого рыцаря» 1936-го года: сдержанно-песочный цвет переплета, широкие поля, гравюры Кравченко... Другое время, другой Пушкин.

Но потом, когда книжки удобно встали на свои места, встал вопрос: а что, собственно, из этого можно читать просто так, для себя, вне каких-то научно-практических целей? Да и есть ли у нас такое желание? Ведь нам кажется, что уж о Пушкине-то мы знаем всё. Да, пожалуй, в целом знаем. Знаем в общих чертах, но нередко спотыкаемся на частностях: что-то забыли, на что-то не обратили внимания, и сотни побочных линий, деталей, подробностей, забавных лиц, зловещих совпадений, оговорок пушкинской судьбы от нас ускользнули. Нам и сегодня трудно представить, что классику можно читать и понимать немного иначе, чем в школе. Поэтому так интересны и полезны для нас другие способы чтения. Продолжение ли это «Евгения Онегина» или рискованная вариация на тему «Капитанской дочки», не совсем каноническая интерпретация великого русского композитора или прочтение японского интеллектуала, укорененного в своей культуре, — всё это позволяет нам увидеть общеизвестные вещи под несколько другим углом, освежить впечатления и над чем-то впервые или снова задуматься. Несколько книг, которые могут в этом помочь, мы и собираемся почитать сами и предлагаем вам.

КНИЖКИ С ВЫСТАВКИ

Абрамович С. Л. Пушкин в 1833 году : хроника. — М. : Слово, 1994. — 618 с.

Работа Стеллы Абрамович о дуэльной истории считается не просто «одной из», а наверно, самой авторитетной, но эта, насколько я знаю, не всем известна. Это не сухое перечисление фактов, событий, встреч, но очень подробный, тщательно выверенный и очень человечный рассказ про один год жизни Пушкина. Конечно, этот рассказ помещен в контекст всей пушкинской биографии и всего творчества: вот тропинка в прошлое, вот намек на будущее, а эта нить ведет к еще не написанной книге. 1833-й — это «Дубровский» и «Пиковая дама», поездка на Урал и еще одна Болдинская осень, рождение первого сына, пресловутое камер-юнкерство, «Медный всадник» и «Сказка о мертвой царевне». Не то чтобы всё безоблачно, но жизнь и творчество, ожидания и реальность, семья и остальной мир пребывают в такой гармонии, какой Пушкину уже не суждено было достичь. Вот так могло выглядеть его счастье.

Алексеев М. П. Пушкин и Китай // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. — Л. : Наука. Ленингр. отд., 1987. — С.314—350.
Мамонов А. И. Пушкин в Японии. — М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1984. — 328 с.

Нет, не подумайте, Пушкин в Японии, конечно, не был — хотя первая мысль именно такая. И не очень Японией интересовался. А вот японцы Пушкина постепенно полюбили, хотя перевели его только в 1883 году. «Капитанская дочка» превратилась в «Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка», Гринев стал Смитом, Маша — Мэри. В Китае же Пушкина узнали и того позже, только в 20-х годах XX века, и «Метель» там для начала перевели как «Снег-сват». Тоже поэтично, но, все-таки, ближе к делу. Китай как раз вызывал у Пушкина острое любопытство. Он мечтал там побывать и даже предпринимал, как показал академик Алексеев, попытки осуществления этой мечты. Есть здесь и другие занятные детали, тонкости, трудности перевода.

Берлянд-Черная Е. Пушкин и Чайковский. — М. : Музгиз, 1950. — 142 с.

Музыка хорошая, говорим мы, но при чем тут Пушкин? Далеко не всем нравится то, как Чайковский обошелся с классическими сюжетами и героями в трех своих «пушкинских» операх — «Евгений Онегин», «Мазепа» и «Пиковая дама». «Имел ли право Чайковский так понять замысел Пушкина?» — то и дело задает вопрос автор этой книги и чаще всего очень убедительно объясняет, почему имел. Это не только грамотный, доступный музыковедческий анализ, но и очень индивидуальное, вслед за Чайковским, читательское погружение в мир Пушкина и тайны его героев. Это и рассказ о времени «после

Поедем, я готов...

Художник Таисо Егиточи. Токио. 1883

Первым спектаклем, который Валя услышала за сценой, стал «Евгений Онегин». Ночью она долго не могла уснуть, хотела рассказать Изольде – Татьяна мстит Онегину, а вовсе не пытается хранить верность Гремину.

Матвеева А.
Найти Татьяну

*Нравы людей, с которыми
встречается, узнает
он чрезвычайно быстро;
женщин же он знает, как
никто. Оттого, не пользуясь
никакими наружными
преимуществами, всегда
имеющими влияние
на прекрасный пол, одним
блестящим своим умом
он приобретает
благосклонность иного.*

Алексей Вульф о Пушкине

*У русского царя
в чертогах есть палата*

Пушкина», о том, как читали его новые поколения, что вдруг оживало в его книгах и какие тенденции сумел подметить Чайковский. Это и возможность разобраться уже, зачем он сделал Лизу внучкой графини, почему лишил Татьяну ее «милой дикости» и кто ему, все-таки, симпатичнее — муж или Онегин. Книга не новая, не лишенная, конечно, «пятен эпохи», но в целом вполне современная, умная, благородная и написанная очень хорошим, местами подчеркнуто старомодным и даже поэтичным языком.

Вольперт А. И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. — М.: Школа «Языки русской литературы», 1998. — 328 с.

Несмотря на многозначительное и многослойное название и серьезное издательство, книга легкая, внятная и увлекательная. В двух словах — о том, чем была для Пушкина французская литература и чему он у нее научился (как писатель и мужчина). На самом деле, Пушкин ведь был человек в общем книжный, и литературные модели имели для него огромное значение. Героев Шодерло де Лакло, Бенджамена Констан или Стендаля он воспринимал как живых и близких людей, союзников, наперсников, наставников иногда. Он не отказывал себе в удовольствии поиграть в Вальмона, а переписку с одной из дам неслучайно вел на полях модного романа «Валери». В этом смысле книга Вольперт куда больше объяснит нам в поведении Пушкина, его жизненном стиле, чем любые «психобиографии» поэта.

Глинка В. М. Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. — Л.: Лениздат, 1988. — 238 с.

Книга питерского историка рассказывает о людях, портреты которых представлены в Военной галерее Зимнего дворца, о тех, кого Пушкин знал близко и с кем был так или иначе связан. Это и отважный партизан Денис Давыдов, с которым Пушкин дружил, и утонченный вельможа Михаил Воронцов, с которым дружбы не получилось, генерал Керн (муж Анны Петровны), генерал Бенкендорф, генерал Ермолов и еще самые разные люди, получившие генеральское звание во время Отечественной войны 1812 года или вскоре после нее. И все они, как правило, оцениваются с точки зрения, их отношения к Пушкину, не обидели ли его, не поспешили ли в частном письме сказать что-нибудь недоброе (знали бы, во что это для них это выльется!). Это очень характерно для литературы о Пушкине, и не только общедоступной, где предлагается следующая картинка: в центре поэт, а вокруг — цари, полководцы, чиновники, женщины, и все только Пушкиным и заняты. Преодолеть такое представление безумно трудно. Как и допустить, что далеко не всегда Пушкин был прав, что его мучили разнообразные, как мы теперь говорим, комплексы, что он, не успевший принять участие в главных битвах эпохи, всю жизнь доказывал свою удалость и доблесть — даже там, где требовались совсем другие качества. А в

целом книжка познавательная и, что называется, «питательная», особенно для первоначального знакомства с темой.

Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. — М. : Медицина, 1989. — 272 с.

Когда не в шутку занемог

Мне нравится, когда узкие специалисты (географы, археологи, экономисты и т.д.) читают художественную литературу, вооружившись своими, специальными познаниями, профессиональным скальпелем. Свежий взгляд человека со стороны бывает довольно точным. Сравниваем варианты поведения Татьяны на ее именинах (6-я глава): в черновике она, оказываясь, падала в обморок, но затем Пушкин это поправил. И блистательный финал («У ней и бровь не шевельнулась»), говорит доктор, только подтверждает правоту автора в понимании своей героини. «Такое волевое усилие более понятно в человеке, уже в молодости умевшем справляться с собой так, как делает Татьяна в окончательном варианте текста, чем в чувствительной барышне, легко падающей в обморок». Наложение суховатой, иногда сугубо медицинской терминологии на давно и хорошо известные события создает порой очень неожиданный эффект. Да и разве не интересно, почему они так часто падают в обморок, насколько помогали им «железные воды» и «горячие ванны», можно ли на самом деле умереть от «восхищенья», чем отличается сплин от хандры и что за штука эта холера, наконец?... Рассказ профессионала позволяет как-то заново увидеть течение их жизни, которая была гораздо более хрупкой и уязвимой, которую они больше, чем мы, были склонны воспринимать как чудо.

Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. — М. : Наука, 1979. — 200 с.

Пьянов А. С. Мои осенние досуги : Пушкин в Тверском крае. — М. : Моск. рабочий, 1983. — 320 с.

Две по-разному написанные книжки о местах, где Пушкин бывал и жил подолгу. В Молдавии, например, он провел без малого три года, с 1820 по 1823 год. Здесь окреп его дар и завязались многие знакомства, которыми он дорожил, в Кишиневе он написал «Кавказского пленника» и начал «Онегина». Кишиневским приятелем Пушкина был Иван Петрович Липранди, человек, что называется, непростой судьбы, считающийся прототипом Сильвио. У него двойственная репутация в пушкиноведении, но человек он был исключительного ума и проницательности, искренне привязанный к поэту и оставивший о нем по-настоящему ценные воспоминания. Во многом благодаря ему мы так хорошо представляем и экзотическое южное общество, в котором Пушкин враждался, и людей, занимавших его воображение, его настроения, увлечения, логику его развития.

«Молдавская» книга вышла в издательстве «Наука», и язык у нее скорее научный, хотя вполне читаемый. А книжка о связях Пушкина с

Десять дней в Екатеринбурге у Колтовской были одними из самых приятных дней моей молодости. Хозяйка из себя выходила, чтобы сделать пребывание мое у нее источником всех возможных удовольствий.

Пушкин М. Записки

Художник Павел Бунин

Москва, я думал о тебе

Тверским краем выдержана в традициях «задушевного», разговорного пушкиноведения. С этой землей связаны многие знакомые и приятели Пушкина, в том числе, такие близкие ему люди, как семья Вульфов. Это уже совсем настоящая Россия, где и поля тебе, и леса, и рощи, и сады, и скамейки в садах, и девушки на скамейках, заросшие пруды и тихие сельские кладбища. Это та «хрестоматийная» Россия, которую Пушкин научил нас видеть и любить. В Малинниках он написал «Анчар» и «Цветок», а в селе Павловском, другой деревне Вульфов — «Зимнее утро» и очаровательный «Роман в письмах», к которому, увы, так никогда больше и не вернулся.

Никитин А. Г. Пушкин и Урал : по следам находок и утрат. — Пермь : Кн. изд-во, 1984. — 285 с.

Интересно, а если бы Пушкин в 1833 году, по пути в Оренбург или из Оренбурга, завернул в Екатеринбург и пожил здесь хотя бы неделю или две? Неужели его приняли бы хуже, чем Михаила Пущина, брата лицейского друга Пушкина, в 1826 году? И насколько больше мы знали бы сейчас о жизни города в то время, и насколько по-другому бы его представляли. Наверняка и сам Екатеринбург был бы другим — города создает взгляд поэта, это общеизвестно. Не получилось. Пушкин проехал мимо, но кое-что его, все-таки, связывает и с нами тоже. Эта книга состоит из познавательных очерков о людях и текстах, вводящих Урал в пушкинский контекст: о неожиданной находке в небезызвестной нам библиотеке Голубцовых, о тетрадях Липранди, всплывших почему-то в Нижнем Тагиле, о семье горных инженеров Германов («Пиковая дама», может быть?). О замыслах Пушкина, осуществленных и оставшихся только на бумаге.

Пушкин и Москва : сборник / сост. Н. И. Михайлова. — М. : Издат. центр «Московведение», 1999. — 416 с.

Бартенев П. И. О Пушкине : страницы жизни поэта : воспоминания современников. — М. : Сов. Россия, 1992. — 464 с.

Не сказать, чтобы чем-то особенно примечательная, но вполне культурная и популярная книга. Здесь очерки о московских знакомствах (князь Юсупов) и друзьях (Нащокин) Пушкина, о домах, где он бывал (Римские-Корсаковы). Пушкинская Москва, московское детство, история женитьбы, образ Москвы 1812-го года в творчестве поэта. Под конец жизни Пушкин разлюбил Москву настолько, что называл ее «городом ничтожеств». А мне всегда было жаль, что он не осел в Белокаменной, не женился на хорошей московской девушке Кате Ушаковой и не обрел дома, где бы его любили и баловали, где тесть играет на скрипке, а свояченица поет «Черную шаль», где раз в неделю запросто обедают артисты итальянской труппы. Ведь это был совсем «другой вариант судьбы». Или, думаете, это был бы совсем другой Пушкин?

Петра Ивановича Бартенева, москвича и создателя журнала «Русский архив», называют «первым пушкинистом». Он бережно собирал пушкинские бумаги и мельчайшие воспоминания о нем, дружил с Павлом Нащокиным и Сергеем Соболевским, сам написал две ценные биографические работы о Пушкине. Сегодня его труды читаются как отличная проза (на что он совершенно не претендовал) пропитанная особым, старомосковским обаянием. Конечно, чего-то он не знал, а что-то недоговаривал, одни вещи обходил вынужденно, другие — сознательно, в силу деликатности, правил приличия или просто человеческой любви к Пушкину (у ранних пушкинистов это еще встречается). Для нас важнее даже не уровень осведомленности Бартенева, а то чувство бесспорной, даже временной близости к Пушкину, которым

пропитаны его записи, близости, неразрывно связанной с уважением. Он пишет и помнит, что у великого человека остались друзья и дети, а их надо пасть. Это чувство ответственности за каждое слово очень дисциплинирует и отрезвляет.

Судьба Онегина / сост., вступ. ст., комм. В. и А. Невских. — М. : Ассоциация Экост, 2001. — 544 с.

Любопытная книга, в которой собраны всевозможные продолжения «Онегина», пародии, подражания и вариации на его тему. Удивительно, сколько во все времена было охотников до этого занятия — от малоизвестного литератора Лякидэ («Судьба лучшего человека») до Корнея Чуковского и его сына. Здесь и небольшие фрагменты, и строфы, и целые произведения типа знаменитой в свое время комической поэмы «Евгений Онегин наших дней» Дмитрия Минаева. Куда только не заносит пушкинских героев — в 70-е годы XIX века, в первые месяцы после революции, в Берлин, Нью-Йорк, какую-то Прозоровку. Особенно хороши, конечно, советские переложения, столько в них этого обыденного безумия. Хазинское «Возвращение Онегина» многие помнят («В трамвай садится наш Евгений»), но здесь достаточно и других, довольно остроумных текстов, где Онегин сдает нормы ГТО, Татьяна ходит на вечера в Политехнический музей, и все вместе они поедают «чахлые обеды», сплетничают («Ах, Ленский, я скрывать не стану: Я обольстил уже Татьяну») и дивятся всяческим переменам.¹

*Как он умел казаться
новым*

Художник Виталий Горюнов

Страшно интересно наблюдать и сравнивать, как читали «Онегина» разные поколения и как они, подражая Пушкину, выразили себя и свое время.

«Утаенная любовь» Пушкина : сб. ст. / сост., подготовка текста, вступ. ст. и прим. Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. — СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. — 493 с. — (Пушкинская библиотека).

Очень серьезные люди, матерые пушкинисты, верили, что и впрямь в жизни Пушкина была NN, тайная любовь, которую он пронес сквозь годы. Щеголев полагал, что этой женщиной была Мария Раевская, Тынников настаивал на Екатерине Карамзиной, жене выдающегося историка. Есть и другие варианты (вплоть до императрицы Елизаветы Алексеевны), и почти все они если не подробно изложены, то упомянуты в этом сборнике. Можно присоединиться к какой-нибудь из версий, можно поиронизировать, но чтение это вам наверняка понравится. Во-первых, авторы текстов — люди все как на подбор выдающиеся, часто увлекательные рассказчики, за ходом мысли которых интересно следить. Фактически по одной этой книге можно составить представление о русской пушкинистике XX века. Во-вторых, к каждой статье прилагается небольшой биографический коммента-

рий и анализ состоятельности «претензий» того или иного персонажа на столь заметное место в жизни Пушкина. Не то чтобы я больше всех доверяла Леониду Гроссману, но именно его работу («У истоков «Бахчисарайского фонтана») нахожу наиболее изящной по мысли и даже интригующей. Хотя не могу не добавить, что сама проблема «тайной любви» не перестает казаться мне надуманной.

Шкловский В. Рассказ о Пушкине. — М. : Журн.-газ. объединение, 1937. — 40 с. — (Библиотека «Огонек». № 16).

*Для Пушкина Гринев, конечно,
не близкий товарищ.*

Шкловский В. Капитанская дочка : коммент. сценарий. — М. : Те-
акинопечать, 1929. — 80 с.

Шкловский В.
О теории прозы

Первая книжка — это очень компактное, абсолютно советское и совершенно блестящее изложение жизни Пушкина. Шкловский не вносит ничего принципиально нового в интерпретацию пушкинской судьбы, принятую в то время, но его неповторимый, очень мужской, ироничный стиль, его попутные небрежные, в самую точку замечания, — все это создает фон такой неожиданной глубины, на котором содержание смотрится, вдруг, почему-то, совсем не однозначно. «Он находился в России, в России надо было жениться, в России надо было служить».

«Капитанскую дочку», созданную режиссером Ю. Таричем в 1928 году по сценарию Шкловского, мы представляли на Пушкинском фестивале. Впечатление осталось сильное. Сладенький Петруша потчует Машу стихами, похищенными у Швабрина, а сам Алексей Иванович из-за кустов за этим наблюдает. Савельич обучает грамоте Пугачева. А вот и свадьба: на капитанскую дочку то и дело покушаются пьяные казаки, а Гринев, изредка приходя в себя, поднимает тяжелую голову и восклицает: «Какая свадьба!» Оторваться невозможно, действие динамичное, яркое и очень смешное. Просто совсем другая история. То, что Пушкин назвал «Капитанской дочкой», говорит Шкловский, это же записки Петруши Гринева, а разве мог он удержаться от соблазна задним числом приукрасить себя и опорочить соперника? Нет, на самом деле всё должно было быть по-другому, и Пушкин дает нам возможность реконструировать истину. Вот сценарий Шкловского — такая реконструкция и есть. Не согласны? А почему?

Все тексты Шкловского, какими бы жесткими и безапелляционными они ни казались, подразумевают пространство для полемики, за его словами всегда есть что-то еще, какой-то воздух. Он провоцирует, он как будто хочет, чтобы ему возразили, ответили ударом на удар. Но мы либо беспомощно соглашаемся — потому что смешно, либо брезгливо отворачиваемся. Оппонентов его уровня у Шкловского как не было, так и нет, а ведь все пишущие люди у него понемногу учились. Немного и читателей, Пушкина достойных, каким, конечно, был Шкловский — внимательный, пристрастный, циничный, «неправильный». Но неужели Пушкину нужны «правильные» читатели?

Валентина Живаева

ПОСЛЕСЛОВИЕ К КОНКУРСУ «ПОДРАЖАНИЯ»

А кто сочинил? Пушкин? Шекспир? Анна Каренина?

Дудки! Это я сам сочинил.

Гайдар А. Судьба барабанищика

Сын принёс на зимние каникулы не совсем стандартное задание по литературе. Написать от имени Владимира Дубровского дневник, в котором фиксировались бы события повести с точки зрения главного героя... На вопрос, как подступиться к делу, мальчик ответил: «Да очень просто. Понедельник: купил керосину. Вторник: заставил своих разбойников собирать ветки. Среда: обошёл имение Троекурова и наметил, где поджигать». Текст был написан, но я боялась в него заглянуть...

Елисеева О.
Дневник Владимира
Дубровского
// Родина. 2007. № 5.

Подражания Пушкину — дело не новое, и занимались им не только увлеченные дилетанты. Брюсов дописал «Египетские ночи», Набоков — «Русалку», а Зощенко сочинил шестую белкинскую повесть («Талисман»). Не счесть продолжений и интерпретаций «Онегина», иронических и серьезных, старых и новых, профессиональных и любительских, явных и завуалированных. Вряд ли кто-то всерьез соревнуется с классиком или, более того, покушается на него. Пушкинские произведения — совершенство, но хрестоматийные пушкинские сюжеты просты, прозрачны и укладываются, как правило, в две-три фразы. В рамках этой нехитрой и общеизвестной фабулы («она любила его, а он — нет, а потом...» или «их отцы дружили, а потом разругались насмерть») так легко высказаться самому, выразить себя, не слишком раскрываясь. Да ведь и Пушкин любил взять чужой сюжет, поколдовать, поиграть и сделать из него что-то совершенно свое. Именно так он поступил с загоскиным «Рославлевым». Его поэзия пестрит «подражаниями» (Корану, например) и предлогом «из» (Шенье, Гафиза, Пиндемонти — пусть иногда это и обманка). Если уж ему было можно!..

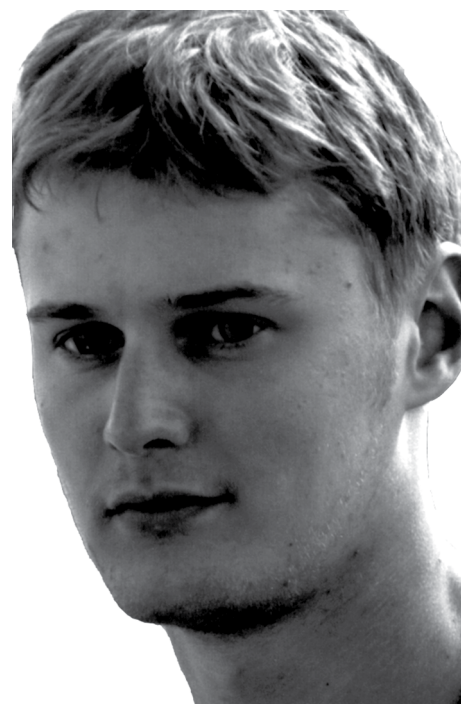
Придумывая конкурс «Подражания», мы, во-первых, хотели сделать приятное нашим читателям. Хотели, чтобы они перечитали Пушкина — а что-то прочитали впервые. И чтобы попробовали настроиться на его волну, поговорить с ним, поиграть в него. Было любопытно узнать, есть ли у нас возможность каких-то новых заходов, подходов к Пушкину. Мы сознательно сузили круг произведений, по поводу которых предлагали пофантазировать: проза, драматургия, сказки. Можно было рассказать о семейной жизни Марьи Гавриловны и Бурмина, о том, как причудливо воплотился сюжет «Сказки о мертвой царевне» в жизни обитателей современного мегаполиса, и с какой неожиданной стороны предстает история «Пиковой дамы», рассказанная служанкой старой графини. Мы приняли все тексты (тем более, что их было немного), даже те, которые не вполне укладывались в условия конкурса. О чем писали? О поразившем когда-то в детстве, так больше и не найденном пушкинском стихотворении. О метели, которую случилось пережить в юности, с друзьями. Были забавные шутки: «научные» разыскания

в «Сказке о рыбаке и рыбке» и смелая гипотеза о том, что никакого Пушкина на самом деле не было. Но только три работы оказались в прямом смысле «подражаниями», и две из них были отмечены премиями и дипломами.

Лучшей мы признали повесть «Жена декабриста» **Владислава Эннса**. Это печальное продолжение и финал «Станционного смотрителя». Приятно, что автор — совсем молодой человек. Мы оценили и то, что он так умно и не без изящества связал пушкинский сюжет с историей своего родного города Ирбита. Другая работа, которая понравилась нам всем, скроена по тому же принципу продолжения, но куда более оптимистична: «Дубровский» **Марии Васильевны Снегиревой**, вузовского преподавателя, в прошлом учителя русского языка и обладателя двух высших образований. Две стилизации, построенные достаточно просто, они подкупают и хорошим русским языком, и очевидной радостью авторов от самого пребывания в пушкинском мире. Наконец, еще один текст отметили для себя мы, библиотекари: «Чужой сюжет и капуста» **Ирины Михеевой** из Первоуральска. Это обаятельная новелла, переносящая некоторые коллизии незаконченного пушкинского «Романа в письмах» в современность.

*Владислав Эннс – студент
2 курса химико-технологического
факультете УГТУ-УПИ*

Возможно, не всё получилось, как мы задумывали, и не всё прошло гладко. Но я продолжаю думать, что это не просто сама по себе интересная, но и очень «библиотечная» идея. Мы хотим, чтобы люди читали. Один из способов подвести их к этому — вызвать желание (или поставить перед необходимостью) писать. Ребенок учится писать по готовым прописям, взрослый тоже должен иметь перед собой некий безупречный образец. Любое осознанное, добросовестное подражание начинается с попытки понять, «как это сделано» и становится своеобразной школой медленного чтения. Чтобы написать подражание Пушкину, мы неизбежно прочитаем его. Прочитаем — а там и удивимся, и засмеемся, и заплачем, и запомним что-то на самый черный день. Ничего не изменилось: начинать читать надо с Пушкина и возвращаться к чтению — с него же. Это самый легкий и светлый путь.

Валентина Живаева

«СЕМЬ ЛИСТОВ РИСОВОЙ БУМАГИ ПРИ СВЕТЕ УХОДЯЩЕГО ДНЯ...»

КАК ПИСАТЬ ПИСЬМА: ВЗГЛЯД ПРИСТРАСТНОГО ЭСТЕТА

Читая книги и рассказывая о них, мы упускаем много интересных деталей. Потом тщетно пытаемся вспомнить, где об этом читали? Мы представляем коллекцию интересных (и полезных) деталей, встречающихся в книгах: игры, песни, рецепты блюд, советы и т. п.

Присоединяйтесь, все желающие! Сделайте свои маленькие книжные открытия общим достоянием.

**Прето Хосе
Мануэль**

*Ливадия, или
Ночные бабочки
Российской империи :
роман / пер. с исп.
П. Грушко. — М. :
Время, 2006. — 448 с. —
(Время читать!)*

В романе Хосе Мануэля Прието «Ливадия, или Ночные бабочки Российской империи» главный герой получает и пишет письма, и делится своими мыслями на сей счёт:

«...Я знал, где проставлять дату, ее теперь пишут в начале письма, хотя В. обозначала ее и в начале, и в конце, что правильнее, потому что важно не только то, когда письмо начато, но и когда окончено; это показывало, в течение какого времени — одного или нескольких дней — она добавляла новые фразы, новые соображения.....

Я изучил разные способы завершения писем. “Весь твой” — прощался Винсент Ван-Гог с братом Тео. Это меня удивило. Написал бы “Обнимаю”, “Привет” или, скажем, “Любящий тебя”, но — “Весь твой”?

...Другие фразы действовали на меня раздражающе. Я глазам не верил, когда натыкался на фразы вроде “Нпрд Ваи” — страхолюдное сокращение не менее страхолюдного “наипреданнейший”. Я обнаружил необычайную силу, хотя и чрезмерную для обращения к В., в формулах прощания Франциска Ксаверия, в том, что он завершал свои письма, посланные из мест столь удаленных, как Гоа, Японское море или сама Япония: “Ваи брат во Христе”, или “Всецело Ваи во Христе”. Истинный пыл и приязнь, которые, как мне кажется, рождены сильным внутренним порывом. Но разве я смогу собственной рукой вывести “Весь твой” или, не мудрствуя, — “Обнимаю” либо “Целую”? Скорее всего, остановлюсь на сухом “Прощай”. Ещё я думал, не написать ли “Искренне твой”, что являлось, скорее всего, переводом с английского. Но — “искренне”, но — “твой”? рановато, думал я, для этих слов. А обращение Моцарта к отцу со словами “Всепокорнейший сын”? Все его проблемы, враждебность зальцбургского принца, шиканье зрителей на его первой опере “Митридат, царь Понтийский” — все заключено в этой формуле “Всепокорнейший сын”, которой он подписывал свои письма, — всё вытекает из неё...

Может быть, “Любящий тебя”? Нет, я уже не любил её, вовсе нет, — я хотел, чтобы она была здесь, в Ливадии, но не мог же я написать: “Желаю тебя здесь”!

Впрочем, учитывая, что этот ответ я писал не только В., но и своему двойнику, которого я должен был оповестить о происходящем, “Твой...” в конце письма выглядело бы неплохо. “Твой...” допустимо, достоверно, я был для него “Твой...”, и он, мой двойник, тоже был им для меня...»

Мучительно подыскивая формулу прощания, герой создаёт собственные эпистолярные каноны:

«...Листы она сложила вчетверо и выбрала удлинённый, бледно-жёлтый конверт без авиапочтовой окантовки. Грубо надорвав его, я не без удовольствия отметил, что В. не воспользовалась аляповатой почтовой бумагой, что продаётся в любом киоске, сплошь запечатанная букетиками фиалок или гроздьями сирени. Она предпочла писать на тонкой рисовой бумаге художественной выделки, приятной на ощупь, с белесоватыми прожилками и наслоениями. Её письмо поднимало настроение: тонкая рисовая бумага, круглый женский почерк... С таким письмом, подумал я, мне не будет одиноко.

Она не преминула (о чём я сам постоянно забываю) проставить в начале письма дату. Большой пробел перед обращением придавал странице графическую завершённость и говорил о вкусе. Заглавная буква в моём имени выведена со сдержанной элегантностью и украшена беглыми завитками, которые свидетельствовали о длительном упражнении в каллиграфии, что было для меня полной неожиданностью. Номера страниц в моих письмах, за которые я нечасто садился, я обычно проставлял в верхнем правом углу, обводя цифры кружком. А она пронумеровала страницы внизу по центру, заключив цифры в длинные росчерки...

...мне казалось, будто я плыву по фиолетовым ориентирам её письма, а остановился я лишь на её подписи, проверив на всякий случай имя отправителя, — да, это В., без всякого сомнения...»

После прочтения этого романа мне сразу же захотелось написать письмо, а ещё больше — получить письмо от близкого человека и долго его перечитывать, изучая малейшие изменения почерка, отпечатки на страницах, вдыхать еле уловимый запах... Письмо — это проекция человека на бумагу, материальное подтверждение его существования, близость на расстоянии, память на годы...

Возможно ли возвращение традиционного письма в нашу жизнь? Или нам остается только перебирать собственные старые письма и читать чужие в книгах былых времён?

Янина Чиркова

Кубинец Хосе Мануэль Прието в 1986 году окончил один из новосибирских вузов, жил в Санкт-Петербурге, сейчас живет в Мехико, преподаёт русскую историю. Двенадцать лет, проведенные в России в годы тектонических перемен, произвели на него неизгладимое впечатление.

1996 год. Куба — первая книга Прието: сборник рассказов «До сих пор вы не видели красного»;

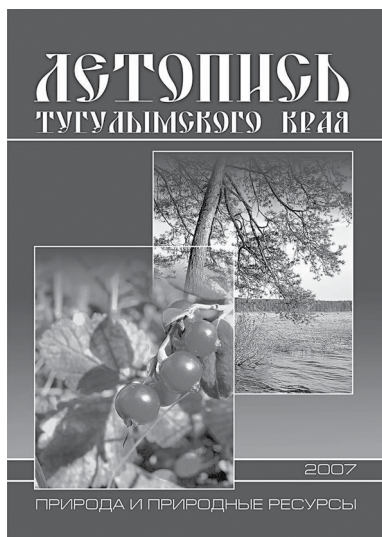
1998. Мехико — первый роман «Энциклопедия русской жизни»;

1999. Барселона — второй роман «Ливадия» в издательстве «Mondadori», переведен на семь языков, стал международным бестселлером. В нью-йоркском издательстве Grove Press вышел в 2000 году под названием «Ночные бабочки Российской империи».

Роман заслужил высочайшую оценку литературных критиков ведущих американских изданий, в том числе *The New York Times* и *The New York Review of Books*.

ЧЕРЕЗ БАХМЕТСКОЕ БОЛОТО НА АВРААМИЕВ ОСТРОВ

На одном из заседаний Общества уральских краеведов издательство «Баско» презентовало книгу «Летопись Тугулымского края: природа и природные ресурсы». Краеведческая общественность Урала впервые увидела книгу, посвящённую природным и историческим достопримечательностям тугулымского края!

Автор книги — Леонид Тимофеевич Поротников, начальник ТО № 37 управления Роснедвижимости по Свердловской области (поселок Тугулым), инициатор исторических поисков.

Эта книга — первая в серии «Летопись Тугулымского края», в которой собрана информация о природных ресурсах и биологическом разнообразии Тугулымского края. Спонсором проекта выступил Сергей Николаевич Криволапов, директор финансово-промышленной группы «Скит», занимающейся добычей и обогащением строительных песков.

Земля Тугулымского района связана с историей освоения Урала и Сибири. Казаки, старообрядцы, каторжники, крестьяне, ученые — никто не миновал дорог через Тугулым в бывшее Сибирское ханство.

Природа края уникальна! Живописные ландшафты и экологические тропы привлекают любителей путешествий и активного отдыха. Главное богатство края — люди. Они определяют историческую судьбу поселка и района.

Издание книги — возможность подвести итоги пройденного пути и оценить по достоинству природные богатства района.

ТУГУЛЫМ MON AMOUR

Когда мы слышим «Тугулым», кажется, что речь идет о чем-то затерянном на окраинах мира... Отчасти так и есть. Только окраины, подобные Тугулымскому (Талицкому, Тавдинскому, Таборинскому) районам (нужное подчеркнуть) незаслуженно игнорируются — их порой не отмечают в изданиях, посвященных туристским ресурсам области.

Стоит своими глазами увидеть уникальные Гуринские отроги или добраться через Бахметское болото на Авраамиев (Авраамов) остров, где скрывался когда-то старец Авраамий! Невероятные по красоте пейзажи, нетронутые боры-беломошники, чуть ли не вторые после шотландских пустошей заросли вереска... Всё это подтолкнуло в свое время создать

фото:
© С. А. Новопашин
© С. М. Первухин

в этих местах (и в Талицком городском округе) национальный парк «Припышминские боры» — особо охраняемую природную территорию (ООПТ) федерального значения. Территориальная особенность Припышминских боров — размещение на юго-востоке надпойменных террас реки Пышмы в виде двух разделенных участков: Талицкой дачи и Тугулымской дачи, ширина полосы которых варьируется от 4 до 50 км.

К сведению туристов и краеведов: Тугулымская дача находится в 16,5 км севернее пос. Тугулым. Район приурочен к водоразделам рек Пышма и Липка (пр. приток р. Туры), последняя является северной границей участка, а берет начало из озера Гурино — самого большого водоема парка. Это проточное пресноводное озеро — гидрологический и зоологический памятник природы областного значения. Его площадь — 212 га, отметка воды — 93,6 м над уровнем моря. Окрестные жители сравнивают местность у озера Гурино с Карпатами. Возникшая в результате разрушения высоких берегов древнего Сибирского моря времен ледниковых эпох, эта местность стала одним из красивейших мест Зауралья: на равнинной территории возник «горный» пейзаж сложенный осадочными породами. Подступы к озеру изобилуют уникальными сосновыми борами-беломошниками и живописными песчаными увалами — между озером Гурино и Бахметским болотом.

На территории парка находится уникальный для Зауралья массив сосновых лесов с сохранившимся ядром естественной растительности, фауны и почвы. Высота отдельных деревьев достигает 40 и более метров. Здесь леса «не знают» топора с начала XIX века.

Бабочка-боярышница

Белокрыльник

Флора парка представлена более чем 600 видами высших (сосудистых) растений, из которых 36 занесены в Красные Книги Урала и России, а также 55 видами мхов, 181 — лишайников и 306 — грибов. Особое место в парке занимает (Тугулымская дача) Бахметский болотный массив, где находится микропопуляция сибирской сосны (кедра), лиственницы и пихты, ольхи черной и реликта постледникового периода — вереска обыкновенного.

Животный мир парка представлен видами таежной и лесостепной зон: 46 видов млекопитающих, по 5 видов — амфибий и рептилий, 172 вида птиц и 5 — рыб. Крупные млекопитающие: волк, лось, кабан, косуля, медведь. Характерны представители куриных птиц — рябчик, глухарь, тетерев. Во время весенних и осенних миграций отмечаются: орлан-белохвост, беркут, скопа, которые занесены в Красную Книгу России.

На землях национального парка, и в целом — в Тугулымском районе, находятся ряд памятников природы, историко-культурных и этнографических достопримечательностей, представляющих интерес для развития детского, молодежного и семейного экотуризма.

Особо выделяются ботанические, ландшафтные и археологические памятники:

- Аврамов остров, острова Пустынный, Сосновый и Пихтовый, расположенные в огромном Бахметском болоте;
- Лагушинский бор, один из старейших природных объектов района;
- Государственный памятник природы «Ветлახинский пруд» — самый «молодой» памятник природы района, утвержденный в 1999 году соответствующим постановлением правительства Свердловской области;
- Авраамиев камень — место паломничества многих поколений старообрядцев XVIII—XIX и начала XX веков;
- Захоронения времен гражданской войны, как свидетели драматических событий в истории страны и Зауралья;
- Дом-музей генерала армии И. И. Федюнинского, известного военачальника советской России (расположен в деревне Мальцевой);
- Кучум-гора — место, связанное с ханом Кучумом, последним правителем Сибирского ханства.

Стоит увидеть этот уголок Зауралья, сохранивший древнюю красоту ландшафтов и следы исторических событий.

Леонид Поротников, Сергей Новопашин

Я СТАРАЮСЬ БЫТЬ ЧЕСТНОЙ ПЕРЕД СВОИМИ СЛУШАТЕЛЯМИ

Старинные партитуры, мечты о покорении воздушного пространства и музыка, волшебная, как аромат розы. Наталия Моисеевна Вильнер не очень любит, чтобы ее называли легендой. Она сама предпочитает создавать красивые истории и общаться с людьми, рассказывать им о музыке и людях, которые ее сотворили. Она помогает создавать историю нашего города и одного из его сокровищ, Библиотеки им. В. Г. Белинского ...

Я больше люблю просто разговаривать, поэтому и предпочитаю живую музыку, потому что в этот момент рождается в большом мире какой-то маленький мирок. Мирок взаимоотношений, какого-то эмоционального контакта. Извините за банальность, но правильно А. де Сент-Экзюпери говорил, что «высшая роскошь – это роскошь человеческого общения». Посредством слов или музыкальных звуков, или еще чего-то... Хотя общение с книгой – это не просто духовное, это ведь и физическое удовольствие. Когда берешь книгу в руки, а если это еще старая книга...зачитанная... с буквой «ять» и твердым знаком. «Графиня де Монсоро» с облоданными уголками в тысячу раз интереснее, чем она же, изданная сегодня. Вообще от зачитанных книг, с такими облупившимися краешками, исходит аромат времени. Это совершенно особенное удовольствие.

Наталия Моисеевна говорит, и ты, слушатель, невольно попадаешь во власть ее обаяния. Ее голос, глубокий и звонкий, очень задорный, обладает своей мелодикой, которую трудно передать словами.

НАТАЛИЯ МОИСЕЕВНА, ВЫ ПЕРЕДАЛИ БИБЛИОТЕКЕ
ДОСТАТОЧНО МНОГО НОТ, КНИГ ИЗ СВОЕЙ КОЛЛЕКЦИИ.
ЕСТЬ ЛИ У ЭТОЙ КОЛЛЕКЦИИ ИСТОРИЯ, КТО ПЕРВЫЙ НАЧАЛ
СОБИРАТЬ ДОМАШНЮЮ БИБЛИОТЕКУ?

Во-первых, никаких семейных традиций на этот счет не существовало, потому что папа у меня имел двухклассное образование приходской школы, мама была музыкантом, поэтому ноты у нас дома были в достаточных количествах. И некоторые из тех нот, которые я передала в Белинку, мамины, на некоторых стоит печать — И. А. Вильнер (Ирина Алексеевна). И когда мне нужно что-нибудь совсем редкое, не издававшееся в течение многих десятилетий, я с удовольствием беру в руки старые ноты. Как-то мне понадобился клавир «Самсона и Далилы» К. Сен-Санса. В Консерватории нет, в музыкальном училище нет, здесь, в библиотеке, до того как мамины ноты пришли сюда, тоже не было. Нашлись «у мамы». Я не могу выстроить красивую концепцию собирания библиотеки и передачи ее в Белинку. Просто у нас была большая квартира, и вся библиотека — моя, моего мужа, детская, — совершенно спокойно жила там на огромных стеллажах. Жили мы как раз «окна в окна» с Библиотекой Белинского (ул. Белинского, 8/10). На втором этаже. И я с любовью смотрела на библиотечный подъезд: здание Белинки строилось «на моих глазах».

Наталия Моисеевна Вильнер

И чувствовала я себя здесь всю жизнь как дома, тут начиналась моя музыковедческая, лекторская работа, потому что в музыкальном от-

деле всегда была изумительная совершенно атмосфера и стоял инструмент. И пластинки здесь собирали очень бережно, и серьезные музыкальные вечера самых разных направлений, иногда посвященные одному композитору, иногда — какому-то исполнителю или какому-нибудь жанру, проходили здесь. И знаменитые музыканты города сидели и слушали. К примеру, Наталья Георгиевна Панкова, народная артистка России, профессор консерватории, сидела здесь, будучи четырехлетней девочкой, со своей бабушкой, всегда на первом ряду, и очень внимательно слушала.

Книги, которые я передала в отдел, профессиональные. Они покупались по мере взросления, появления потребностей, желания узнать. А потом они перестали помещаться дома, потому что у нас в семье собрались два книжных человека. Мой муж, доктор наук, профессор, металлург, до сих пор продолжает активно работать и писать книги. Он меня просто вытеснил: оставил два маленьких стеллажика. И я пользуюсь тем, что умещается на них. Изредка прихожу сюда. А иногда просто придумываю какие-то вещи. Книги по истории музыки написаны такими же профессионалами, как я, моего уровня. Музыковеды начинают давать толкования произведению, пытаюсь угадать замысел автора, но музыка к словам относится очень ревниво, она их отторгает... Поэтому, пытаюсь перевести музыку на язык слова, понимаешь, насколько она тоньше и точнее.

ДА, ЭТО ОЧЕНЬ ДЕЛИКАТНЫЙ ПРОЦЕСС.

Вот-вот. Знаете, у нас был профессор, один из основателей нашей Консерватории, Виктор Николаевич Трамбицкий. Он говорил замечательные вещи. Один из его афоризмов звучал всегда чуть-чуть иначе, но смысл был примерно такой: «Музыка точна, как математика, и неуловима, как мечта».

ДА, ОЧЕНЬ ТОЧНО.

Слушая какое-то произведение, я с точностью до десятилетия, наверное, могу сказать, когда эта музыка написана в течение двух прошедших веков. Конечно, если речь идет о ренессансе, уже труднее ориентироваться, а тут слышно: это XIX век, середина примерно, 40—50-е, а это вот уже значительно позже. Понимаете, это можно услышать. Значительно труднее описать в книжках. С одной стороны, я могу что-то придумать, с другой стороны, стараюсь быть честной перед своими слушателями. А вообще-то все писания эти я не люблю, я люблю устное общение.

Я всегда говорю, что предлагаю свой вариант, его абсолютно не обязательно принимать на веру. Если вы согласны с ним, то мы единомышленники, если у вас совершенно какие-то противоположные представления, мы оппоненты, и это тоже очень хорошо: значит, вы слушаете, и думаете, и отдаетесь процессу соприкосновения с музыкой очень активно.

Мне не очень важны факты из жизни композитора, даты, например, я не заучиваю, их можно всегда посмотреть в справочнике. Что касается толкования музыки — вы знаете, это очень эмоционально гибкая вещь: иногда элегию Рахманинова можно воспринимать как тонкое лирическое признание, а можно как глубочайшую драму, которую не хотят расплескать, а держат напряженно внутри. Я приношу «на берегу» извинения и говорю: «Мне кажется так». Именно мне — с моим опытом, с моим характером, с моими склонностями. Вот поэтому я не всегда книжками пользуюсь. Но время создания произведения — это важно, это воздух музыки. Каждое произведение совершенно неразделимо связано с ароматами эпохи.

ТОГДА, НАВЕРНОЕ, ВАЖНО ИЗУЧАТЬ ТУ ЭПОХУ,
В КОТОРУЮ СОЗДАВАЛАСЬ МУЗЫКА?

Я даже не об изучении говорю. Вот я называю слушателям несколько веков: в это время произошло то-то, в это время думали так-то, в это время были такие предпочтения, у некоторых были такие-то склонности — и вот это и есть аромат времени. Отталкиваясь от этого, предлагаешь слушателям в суть музыки, в содержание ее погружаться.

Говорят, «мысль изреченная есть ложь»... Великий поэт сказал — мы не можем возражать. А чувство музыкальное, восприятие, эмоция — это еще до-мысль. Представляете, через сколько этапов она должна пройти, чтобы быть облеченной в слова! Главная прелесть при этом может вообще потеряться... Поэтому книжки про музыку — это то, что всегда подлежит корректировке, допускает отрицание, неприятие, полный плюрализм.

ПОЛУЧАЕТСЯ, ЧТО МУЗЫКА «САМАЯ ПРАВИЛЬНАЯ»,
КОГДА СЛУШАТЕЛЬ САМ ЕЕ ВОСПРИНИМАЕТ,
САМ ЯВЛЯЕТСЯ ТОЛКОВАТЕЛЕМ?

Да, особенно, в «живом» исполнении.

ТАМ УЖЕ ОБМЕН ПРОИСХОДИТ...

Там много чего происходит. Это ничем не измерить, но влияние личности исполнителя непременно присутствует, и какие-то экстрасенсорные способности есть очень у многих музыкантов. Люди, сидящие в зале, говорят, что если энергетика есть — тогда это интересно, а когда ее нет — слушание не имеет смысла. А что такое энергетика? Как это определить? Чем это определить? Но ведь действительно что-то идет. Причем в музыкальном живом практическом бытовании «идет — не идет» — обязательная величина. Вот, например, дирижер. Он может очень много знать, очень хорошо слышать, но если энергетика не стекает с пальцев рук, то оркестр ему не подчиняется, идею дирижерскую не воплощает.

При всей прелести современных носителей, при том, что они нам открыли самый широкий доступ ко всему опыту мирового музицирования — это что-то вроде консервов. Слушаешь первый раз — это узнавание, второй

раз — механическое повторение, третий раз — уже насилие, потому что одну и ту же музыку в совершенно одинаковом исполнении услышать много раз — это просто себя как-то заковать, уложить в прокрустово ложе. Музыка дышать должна, она жить должна.

Но, пластинки и диски позволяют прикоснуться к истории музыки.

КАКИЕ ПЛАСТИНКИ ВЫ ПЕРЕДАЛИ В БИБЛИОТЕКУ?

В моей фонотеке были необходимые вещи, без которых, я считаю, ни музыкант, ни музыковед просто не могут жить. Например, там были все симфонии С. Прокофьева, Д. Шостаковича, П. Чайковского, Я. Сибелиуса, почти весь В.-А. Моцарт. Там был «Щелкунчик», которого я оставила себе, потому что уж очень я люблю эту музыку (хотя у меня сегодня нет проигрывателя). Из того, что осталось, а осталось совсем чуть-чуть, получилось совершенно фантастическое сочетание: «Щелкунчик» П. Чайковского, Фрэнк Синатра, «Уральский сувенир» — это такой сборник сочинений уральских композиторов, изданный к 250-летию Екатеринбурга, и собрание романсов на стихи А. Пушкина. Это какие-то вехи моей биографии, это связано или с работой, или с памятными днями. В том, что я передала библиотеке, есть интересная ренессансная музыка, все симфонии И. Брамса. Такие вещи присутствуют у каждого приличного музыканта в фонотеке, сейчас они просто перенесены на другие носители.

СЕЙЧАС ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОСЛУШАТЬ МНОГОЕ И «В ХОРОШЕМ КАЧЕСТВЕ». ЧТО ВЫ ПРЕДПОЧИТАЕТЕ?

Я все равно предпочитаю живую музыку. Решительно предпочитаю! Понимаете, есть прелесть непосредственного переживания именно в живом исполнении. Это Рубинштейн учил Гольденвейзера, кажется: «В хорошую погоду этот пассаж нужно играть так, но если идет дождь или пасмурно, смутно, туманно или, не дай бог, пурга, это играть так ни в коем случае нельзя, это будет звучать противоестественно!» В этом есть такое обаяние! Поэтому запись может один раз произвести впечатление, а второй раз ... Знаете, это как искусственные цветы, которые великолепно сейчас делают, издали их отличить от живых невозможно. Причем, это роскошные, изысканные цветы. Сейчас даже у живых цветов, у роз голландских отсутствует запах. Они пахнут чем-то травянистым. А главная прелесть розы — это ведь не сплетение ее лепестков, а совершенно волшебный аромат. Из того, что я сегодня собираю на дисках, у меня больше оперной литературы, вокальной. Все-таки меня это очень интересует. И некоторое количество подарков инструменталистов, потому что хорошие музыканты мне дарят свои диски, и к ним я уже отношусь как-то совершенно особенно.

КАКИЕ КНИГИ НА ВАС ПРОИЗВЕЛИ ВПЕЧАТЛЕНИЕ?

Самое сильное впечатление у меня было от «Аленького цветочка». Совершенно незабываемое.

ЭТО ВАША ПЕРВАЯ КНИГА?

Нет, она не первая, но запомнилась как фантастическое откровение. С этого начался какой-то мир. Книги постоянно присутствуют в жизни, поэтому выделить какие-то особо очень сложно.

КАКИЕ КНИГИ ЕЩЕ ЗАПОМНИЛИСЬ?

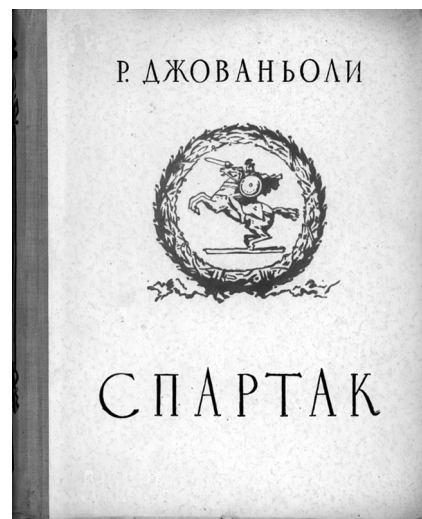
Из детства: «Два капитана» В. Каверина и «Спартак» Р. Джованьоли. Почему именно они? Процесс чтения был настолько увлекательным, что меня из-за «Спартака» выгнали с уроков истории. Я читала во время урока. Потом сдавала экстерном — в конце полугодия. В 12 лет я начинала читать Н. Чернышевского. Уж не знаю, что я там поняла, но читала.

Наше студенчество совпало со счастливым временем 60-х. Мы тогда начали читать Э. Хемингуэя, Т. Манна, Г. Белля. Книги пересказывали друг другу. Потом, где-то в 1964 году, я прочла «Доктора Живаго», итальянское издание на русском языке. И никак не могла понять, за что Пастернак подвергался гонениям. Я должна сказать, что отношение к литературе очень изменяется, потому что изменяется человек, его ощущение. Сейчас мне кажется, что многое из Хемингуэя невозможно читать. Мир меняется, и я вместе с ним.

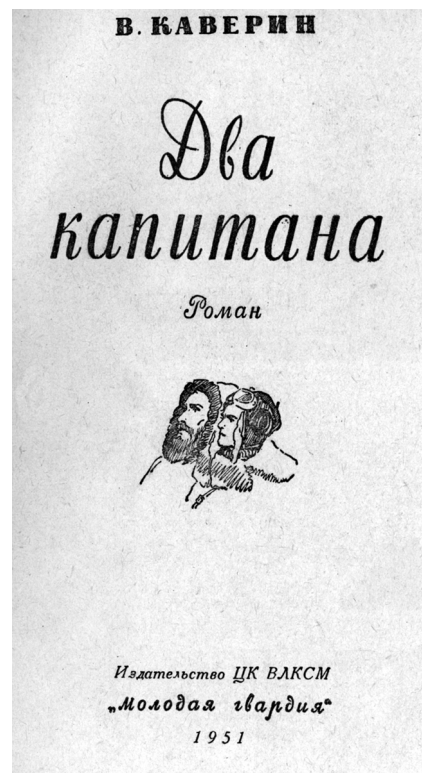
За музыковедческие книжки я берусь не часто, но когда готовлюсь к концертам, я заглядываю в них. Прежде всего, это разные энциклопедии и словари.

КАК ВЫ ПРИШЛИ К МУЗЫКЕ И К СВОЕЙ ПРОФЕССИИ?

Я вам расскажу очень смешную историю. Занятия музыкой начались где-то в шесть с половиной лет самым банальным образом. Мама привела меня за руку в музыкальную школу, и я стала заниматься на скрипке. Было это в Ростове-на-Дону, куда мой папа был отправлен на восстановление города. Там музыкальная школа работала, хотя школы тогда жили в тех условиях, которые сегодня себе представить просто невозможно. Когда я пошла в первый класс учиться, нас было 76 человек, и мы занимались в подвале разбитого, разрушенного снарядом дома. Мы писали... Ой, на чем только мы ни писали, в том числе, на газетных листках. Это был 1945 год. Музыкальная школа ютилась в какой-то небольшой квартире. В общем, я начала заниматься на скрипке, потом мы вернулись сюда, в город, который тогда назывался Свердловск. Я сдала вступительные экзамены, поступила в музыкальную десятилетку и занималась там на скрипке у профессора Шварца. Все шло хорошо, но я была такая романтическая натура. Мечта у меня была — летчиком стать. И портреты трех знаменитых летчиц, Расковой, Осипенко и Гризодубовой, висели у меня над диваном, на котором я спала. А собиралась я стать штурманом, идти по стопам Марины Расковой. Для того, чтобы стать штурманом, нужно было быть очень хорошо математически подготовленной, а вы же понимаете, что в музыкальной школе все-таки математика — это не са-

Постановлением
Совета Народных Комиссаров
Союза ССР от 26 января 1946 г.
КАВЕРИНУ
ВЕНИАМИНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
присуждена
СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ
второй степени
за роман «Два капитана»

мый главный предмет, хотя у нас там был совершенно замечательный педагог, Леонид Устинович Тестоедов, наш общий любимец. Чтобы в музыкальной школе математик был любимцем?! Это, знаете, нужно быть выдающейся личностью. Тем не менее, в седьмом классе я поставила скрипочку в угол, пошла в общеобразовательную школу, чтобы готовиться к поступлению в какое-то летное училище, я не очень отчетливо представляла, в какое именно. Я попала из нашего класса (а класс у нас был очень яркий, из 16 учеников один стал Народным артистом, двое — Заслуженными артистами, двое — заслуженными деятелями искусств, ну и вообще все музыканты состоявшиеся) в общеобразовательную школу женскую, тогда еще были отдельно женские и мужские школы, в класс под сорок человек.

И все так скучно там было по сравнению с прежней жизнью, так пресно и тихо, что я честно отсиживала все уроки, которые начинались в восемь утра, а потом на трамвае приезжала в свой бывший класс, и училась еще и там. Полгода я так вот помаялась, потом директор музыкальной школы, Любовь Васильевна Введенская, говорит: «Хватит уже дурью маяться. Давай возвращайся».

А я уже полгода на скрипке не играла. В десятилетке в восьмом классе уже очень серьезные требования, поэтому я ушла на теоретическое отделение, причем это был компромисс: никакого особого интереса я к этому не имела, никакого желания стать, как я считала, «лакеем в музыке» у меня не было. И призванием это ни в коей мере не являлось. И к моменту окончания школы я все еще не хотела быть музыковедом. Но за все в жизни нужно расплачиваться.

А МЕЧТА СТАТЬ ЛЕТЧИКОМ?

Нет. Я уже понимала, что летчиком не стану. И эта возможность была упущена. Понимаете, вся история моей жизни — это история упущенных возможностей. Скрипачом я уже не могла быть, потому что я полгода не занималась, летчиком я не могла быть, потому что вернулась в музыкальную школу. Но вот на сцену я бы пошла. И одна очень мудрая женщина (а это был 1955 год, на сценах драматических театров шло очень много пьес, которые сегодня не просто в лету канули, а забыты заслуженно, прочно, навсегда, потому что в литературе 50-х годов были и шедевры, и совершенно недостойные вещи) мне сказала: «Ну что ж, ты будешь на сцене говорить такие вот тексты. Тебя же всю перевернет от нежелания произносить все эти слова, эти лозунги, а если ты будешь музыковедом, ты, по крайней мере, будешь говорить от себя лично».

На сцене будет эмоциональный и непосредственный контакт с публикой. Но ты будешь отвечать за каждое слово». Приняв такое компромиссное решение, я поступила в Консерваторию. И снова делала попытки уйти от этой профессии. И начала параллельно, не перево-

дась и не предпринимая никаких усилий, ходить в Университет, потому что мне казалось, что мы так мало знаем, что нас недостаточно хорошо учат. Мне само слово «музыковед» казалось таким высоким и обязывающим. Я себе представляла фигуру типа Лихачева или Соллертинского. И бесконечное пространство между этими кумирами и собственной личностью было убийственным. Вот я и думала, может, в университете лучше? Так как было довольно свободное расписание, то я могла и там посидеть на лекции, и тут позаниматься. И обнаружила, что Университет — это то же самое, что и Консерватория, только уровень значительно ниже. Путем отсеечения всего лишнего я осталась в Консерватории. Учась на втором курсе, уже начала работать, причем работать очень серьезно: преподавала, три года вела музыкальные вечера в библиотеке. Марк Израилевич Паверман пригласил меня в Филармонию и поставил на сцену. И я начала работать в Филармонии, а к этому времени еще открылось телевидение. И через год после открытия телестудии я «села в кадр». Так постепенно профессия меня засасывала, понимаете? И так как ничего лучше я не сумела нацарапать для себя, то мне пришлось смириться и дальше это продолжать.

**ВАМ НРАВИТСЯ ВАША РАБОТА? ЭТО ЖЕ ОЧЕНЬ ВАЖНО
ДЛЯ ЛЮДЕЙ: НЕ ВСЕ МОГУТ САМИ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ
В КНИГАХ, ЗАПИСЯХ. МОЖЕТ, ЭТО И ЕСТЬ «ТО САМОЕ»?**

Конечно! Если еще учесть, сколько я поколесила по нашей области, сколько благодарностей я получила от слушателей, насколько мне каждый раз до сих пор интересно и приятно выходить и разговаривать о музыке, то, в общем, никаких роковых ошибок в биографии не произошло.

Вернемся к слушателям. Хотелось бы побольше узнать про вечера в библиотеке. Сейчас ведь тоже что-то происходит. Вы посещаете их или как-то участвуете в них?

В последнее время мы просто эксплуатируем наши давние дружеские связи. Был период, когда каждую сделанную в Филармонии программу, каждую, а их было пять-шесть в течение сезона, я обязательно показывала в музыкально-нотном отделе. Полные залы в маленьком тогда помещении были нормой взаимоотношений.

Все мероприятия, которые проходят систематически, собирают более-менее стабильную аудиторию. Когда они проходят от случая к случаю, не все реагируют на объявления, на афишу.

ОСОБО ЗАПОМНИВШИЕСЯ ПРОГРАММЫ?

Мне каждый раз было приятно встречаться здесь с квалифицированными и заинтересованными слушателями. Но были изюминки. Например, мы очень долго, по крупицам, собирали русскую музыку XVIII века, потому что М. Глинка, конечно, основоположник классики, но ведь

на пустом месте гора не вырастает. Всегда есть предгорье, есть какая-то среда. И до-глинковский период очень интересный, и, как правило никому не известный. Даже ноты очень трудно было находить. Но у нас и здесь кое-что было, что-то нам присылали из разных городов. Мы сделали очень красивую программу. Показали ее здесь, повезли по всей большой Свердловской области, записали на телевидении. Был такой цикл «передача на Москву». «Передача на Москву» — это означало «на весь Советский Союз». Центральное телевидение брало какую-то нашу программу, и потом эта передача транслировалась по всей стране. Так вот нашу «Русскую музыку XVIII века» я видела 8 раз. Говорят, что ее значительно больше показывали. Был очень красивый М. Глинка, был очень интересный Д. Шостакович.

ЧТО ВЫ СЕЙЧАС ЧИТАЕТЕ?

«Городок» Шарлотты Бронте. С большим удовольствием! Ч. Диккенс у меня до этого был; Т. Устинова, которая воспринимается, как такой воскресный полдник с хорошим концом, с приятными героями.

Беседу вела Анастасия Белова

РЫЖИЙ

*Скажи, Петрович, а когда ты спишь
Один, и ночь вокруг тебя глухая,
Тебе хотя бы раз приснилась мышь —
Из «Герценки». Ну серая такая...*

Нынешний сентябрь, точнее, его седьмое число — день шестидесяти-летия известного критика и востребованного филолога, любимого читателя многих уральских библиотек Леонида Быкова, украшающего литературное пространство Екатеринбурга и его окрестностей золотистым цветом своей шевелюры.

Кстати, на следующий день — 8 сентября — в искупительный возраст Иисуса Христа — 33 года — мог бы вступить еще один Рыжий (на этот раз пишется с прописной) — Борис. Тот самый поэт со Вторчермета, что сумел отыскать Кастальский ключ подлинной поэзии в нашем экологически проблемном крае.

Так что понятно, почему в эпиграф своей статьи о поэзии Бориса Рыжего, вошедшей в новую быковскую книгу «От автора» (с ней аккурат к дню рождения одного из любимых своих внештатных сотрудников подгадал Издательский дом «Сократ») и названной «Лица не пряча, сердце не тая», критик поставил цитату из «Поэтики сюжета и жанра» одного из классиков отечественной филологии — О. М. Фрейденберг: «Пурпурный, рыжий, огненный — чаще означает смерть чем жизнь; этим объясняется его принадлежность к цирковому шуту». Памятуя о трагической судьбе Бориса, приведенную формулу можно понять и как еще один «звоночек», сигнализирующий, что поэзия — это не только стихи, но еще и целокупная с ними личность автора. У Быкова в его докторской диссертации, как раз и посвященной проблеме творческого поведения, много таких «звоночков»...

обложки:
© В. Мамаев, 2007

Подобное произнесение главного вроде бы исподволь вообще характерно для критических высказываний Леонида Петровича: они у него тщательно продуманы изначально, так что выступления Быкова в любом из литературных жанров всегда отличались безупречным исполнительским мастерством, поэтому даже в советские времена кромешной цензуры он умудрялся сквозь «бисероплетение» изящных словесных конструкций внятно артикулировать свои эстетические и нравственные оценки.

Апронаметившуюся тенденцию к пророчествам я вспомнил в контексте своих писаний вот по какому обстоятельству: популярный американский журнал «National Geographic» неожиданно ошарашил читателей, что к 2060-му году ген, переносящий рыжий цвет волос, попросту исчезнет, поскольку уже сейчас количество его носителей лишь два(!) процента от населения Земли. Что ж, остается пожалеть наших потомков, ведь вместе с означенными колористическими признаками общество потеряет и определенный набор личностных качеств — тех внутренних проявлений рыжести, что формируют (формировали?!) характер людей этой масти...

Не думаю, что кому-то надо доказывать, что рыжие — люди особые. Все это знают — обжигались. Однако учитывая, что герой герой этих строк — заведующий кафедрой русской литературы XX века Уральского госуниверситета им. А. М. Горького, позволю себе цитатку к случаю.

Например, из Василия Шукшина, благо рассказ так и называется — «Рыжий».

«..Нет-нет ловлю себя на том, что присматриваюсь к рыжим: какой-то это особенный народ, со своей какой-то затаенной глубинкой в душе... Такого не враз сшибешь. И зубы ему не заговоришь — он свое сделает».

Вот и Быков свое делает по полной программе.

Конечно же, делает не потому, что он — упомянутой в названии моего материала цветовой гаммы (остальные тоже не все в белом!). Хотя, помнится, еще не так давно писательская общественность бурно реагировала на то, что в тогдашнем Свердловске рецензировали их творения,

решая тем самым издательскую судьбу литератора, по большей части «шатенистые» В. П. Лукьянин (ныне — увь! — седой) и Л. П. Быков (ей богу, с наслаждением обыграл бы сейчас то, что они оба — Петровичи, но боюсь неверной реакции на это художника Андрея Бильжо), к которым изредка присоединялся и рыжебородый автор этих заметок. Отдельные лихие головешки даже пытались как бы весело подтрунивать над подобным внешним сходством, только вот добродушного смеха не получалось: на словах звучало забавно, но при этом они все же опасливо смотрели на нас, как на каких-нибудь орков...

Однако вернемся к Леониду Петровичу, чей высокий статус в «веденьи» российской словесностью сомнению не подлежит. О быковском авторитете красноречивейше свидетельствуют ярко и вместе с тем изящно написанные им литературоведческие и критические статьи. Подтверждают его реноме и более сотни художественных книг, блистательно составленных Быковым, — сотрудником Средне-Уральского книжного, «У-Фактории», Банка культурной информации и других издательств Уральской столицы. Не говорю уже про его ученые степени и почетные звания, типа: доктор филологических наук, профессор, член Союза российских писателей, Всероссийского театрального общества, ряда научных советов, творческих жюри и т. п.

Понятное дело, что всё это появилось не на пустом месте: удивительное чутье к слову, которое дается от природы как талант, в процессе постоянной работы над собой «проростало» утонченным чувством художественного вкуса.

Тут насчет работы следует сразу же оговориться, что счастливый труд словесника — это, в основном, чтение. Разница же между профессиональными занятиями и отдыхом, который также непредставим без книги, разве лишь в том, что во втором случае читаешь текст, попавший в руки, не для последующего на нем потом заработка, да еще и на диване...

Судите сами: Быков прочитал столько необходимых книг, что, скорее всего, давно уже забыл, какие именно из них читал, а какие нет.

В любом случае, на качестве интерпретации содержания и на последующем преподавании это не сказывается: ведь Л. П. прежде всего учит студентов иметь собственное мнение о текстах, чего добиться можно только путем демонстрации своего личного суждения о произведении. Последнее в таком случае — лишь информационный повод для монологов о времени и о себе, к тому же дающее литературоведу возможность глумливо рядиться в личины персонажей или целомудренно прятать исповедальное я в цитаты.

Хотя читает Леонид Быков и массу ненужных вещей. Графоманы и графоманши из числа тех, что пишут рифмой «в длину», с рукописями под мышкой пасут его в УрГУ и дома, заваливая его стол на кафедре

надушенными конвертами, дорогими папочками и пугающих размеров свертками. Пожалуй, любой, кто встречал нашего героя на филологическом факультете, наблюдал, как судорожно вспархивающим и нервно опадающим мотыльком (который, разумеется, видел во сне, что он — Л. П. Быков) вдоль коридора несется Леонид Петрович, а за ним облачком гнуса (этим-то снятся их вышедшие с быковской подачи однотомники) струится свита, играющая короля.

Причем, Быков — в известной степени, гуманист. У него какое-то особое романтическое отношение к людям. Явно не в провинциальных традициях его родного Сухого Лога, где жили поколения уральцев, счастливо не знавшие слова толерантность. Он все еще не спустил с лестницы ни одного (вы, читатель, можете не поверить, но это действительно так!) самодеятельного пиита. И уж, конечно же, не в русле бурной неполиткорректной студенческой жизни, что только значит по адресу учебного здания на Ленина, 51, а реально проходит в общежитии на Чапаева.

При этом в нем по-прежнему силён импульс противоборства литературной фальши, дисгармонии. В молодые годы мы с Леной даже сочиняли на пару сборник критических дацзыбао «Гармонисты» (где уже в заглавии виден наш курс на гармонию).

Молва гласит, что есть у Быкова при надобности «фирменная» издевка над подобного рода рифмоплетами: Л. П. в случае разговора об авторе, лишенном намеков на дарование, а всё больше пробивном, практически никогда не употребляет слова поэт, они для него — сочинители, стихотворцы, стихослагатели, версификаторы и т. д.

И в самом деле, присмотритесь, кого и как он в своей критической прозе титулет (как в сердцах бросил после прочтения рукописи «От автора» декан факультета журналистики Борис Лозовский: «Волосы встают дыбом!»).

Сделать это будет можно хотя бы при чтении упомянутой книги, с выходом которой, а также с отмечаемым юбилеем мы все Леонида Петровича горячо поздравляем.

Евгений Зашихин

P.S. «ББ» присоединяется с самыми нежными поздравлениями юбиляру.